

18+

Лейла Хугаева

**Любовь и ненависть
в Корнеллском
университете**

Лейла Хугаева

**Любовь и ненависть
в Корнеллском университете**

«Издательские решения»

Хугаева Л.

Любовь и ненависть в Корнеллском университете / Л. Хугаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980585-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга предлагает альтернативную версию дарвиновской парадигме в виде теории психической энергии Л. Хугаевой. Общие положения теории раскрываются в ходе вымышленных событий битвы студенческих и академических кругов Корнеллского университета. Консервативным «Черепам» противостоят демократы «Селинджеры». Дарвинистам противостоят рационалисты. Экономизму противопоставляется психологизм. Романтизму ложного идеала — реализм настоящего идеала. Сознание и чувства людей определяют политические системы.

ISBN 978-5-44-980585-0

© Хугаева Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. День Дракона	8
Глава 2. Самовлюбленность	17
Глава 3. Ромео и Джульетта	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Любовь и ненависть в Корнеллском университете Лейла Хугаева

© Лейла Хугаева, 2020

ISBN 978-5-4498-0585-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Гордон Олпорт писал в свое время, что психология не может считаться наукой, пока не решит проблему «единиц анализа человеческой природы».

«Ясно, что мы еще не решили проблему единиц анализа человеческой природы, хотя сама проблема была поставлена двадцать три столетия назад. Столь же ясно, что психология намного отстает от химии с ее периодической таблицей элементов, от физики с ее поддающимися верификации, хотя и неуловимыми квантами и даже от биологии с ее клеткой. Психология еще не знает, какой может быть ее „клетка“. Отчасти именно по этой причине скептики ставят под сомнение право психологии называться наукой. Психологи еще не достигли согласия в том, какие единицы анализа использовать».

Как мне кажется, теория психической энергии эту проблему успешно разрешила, определив такой единицей не сознание одного человека, а силовое поле психики, которое может быть меньше сознания человека (когда сознание вмещает два поля) или больше сознания одного человека (когда поле психики люди ощущают как одно Я интеллекта, совести и сочувствия; трансцендентное «Я» по Маслоу).

Гуманистическая психология давно пишет о двух психических силах, которые умещаются в рамках одного сознания. Карен Хорни называла антагонизм этих двух психических сил «центральный личностный конфликт», и так определяла различие между «истинным Я» и «воображаемым (ложным) Я»:

«С точки зрения клинической применимости я предлагаю отличать наличное или эмпирическое Я от идеального, с одной стороны, и от подлинного, с другой. Наличное Я – термин, который включает все, что человек представляет собой в настоящий момент: его тело и душу, здоровье и невротизм. Мы имеем в виду именно его, когда говорим, что хотим „познать себя“; то есть, хотим узнать себя такими, каковы мы есть. Идеальное Я – это тот человек, который живет в нашем иррациональном воображении, или тот, которым нам Надо быть, согласно предписаниям нашей невротической гордости. Подлинное Я, которому здесь несколько раз уже давались определения, это „изначальная“ сила личностного роста и самореализации, с которой мы можем вновь полностью отождествиться, когда освободимся от калечащих оков невроза. Следовательно, это то, на что мы ссылаемся, когда говорим, что хотим „найти себя“. В этом смысле это также (для всех невротиков) возможное Я – в противоположность идеальному Я, которого невозможно достичь».

Я ничего не прибавила к этой традиции гуманистов видеть в сознании человека две противоборствующие силы со времен Платона. Разве что изложила ее в терминах энергетики и постаралась придать статус точной, естественной науки, где механизмы психических сил можно измерить и поставить под контроль. Эта гуманистическая философия и психология в терминах энергетики и стали основой теории психической энергии.

Книга, которую я представляю, ниже есть демонстрация того, как этот психологический анализ может быть использован в анализе личных отношений, образовательных систем, права, политики. Поскольку теория психической энергии противостоит современной дарвиновской парадигме, то вымышленные события художественной канвы книги представлены как борьба академических кругов со старой парадигмой, мешающей становлению социальной науки.

Для художественного рисунка местом действия выбран Корнеллский университет по нескольким причинам. Прежде всего, это один из мировых научных центров, затем это один из восьми американских ВУЗов «Лиги Плюща», где цветут тайные студенческие сообщества, в частности «Череп», учрежденные в Йеле в 1832 году. Наконец, этот ВУЗ известен лекциями В. Набокова, преподававшего там с 1948 по 1958 год, и там же написавшего свой скандально известный роман. Эти факты стали той палитрой для представляемого мной художественного

полотна. В этом смысле есть и другое название у книги «Череп 4» (после трех фильмов снятых на тему этот сюжет мог бы стать следующим сценарием). Речь в книге пойдет о противостоянии консервативным студенческим кругам университета, представленным в частности «Черепами», новой зарождающейся международной демократической студенческой организации «Сэлинджеров». Инфантильное название – аллюзия на такое же инфантильное название противостоящей организации. Со временем оно, конечно, приобретет более осмысленное звучание. Это противостояние трактуется как часть исторического противостояния консерваторов и демократов в истории Америки, и часть более широкого противостояния левых и правых во всем мире.

Понятно, что жанр книги остается нон-фикшн, поскольку ее идея демонстрация научной теории и анализ других научных теорий на реальном фактическом материале вовлеченных в повествование книг и исследований.

Введение У этой книги два названия: «Любовь и ненависть в Корнеллском университете» и «Левые и правые в Корнеллском университете». Поскольку последнее более полно выражает мысль книги, я предпочла его. Я хотела писать критику современного либерализма, но потом решила дать ее в художественной форме, которая является своего рода международным языком. Местом действия выбран Корнеллский университет по нескольким причинам. Прежде всего это один из мировых научных центров, затем это один из восьми американских ВУЗов «Лиги Плюща», где цветут тайные студенческие сообщества, в частности «Череп», учрежденные в Йеле в 1832 году. Наконец, этот ВУЗ известен лекциями В. Набокова, преподававшего там с 1948 по 1958 год, и там же написавшего свой скандально известный роман. Эти факты стали той палитрой, которыми я раскрасила свой художественный рисунок. В этом смысле есть и третье название у книги «Череп 4» (после трех фильмов снятых на тему этот сюжет мог бы стать следующим сценарием). Шутка конечно. У меня нет никакого специального интереса к тайным студенческим организациям Америки, я использовала информацию только как краску для художественного изложения. Речь в книге пойдет о противостоянии консервативным студенческим кругам университета, представленным в частности «Черепами», новой зарождающейся международной демократической студенческой организации «Сэлинджеров». Инфантильное название – аллюзия на такое же инфантильное название противостоящей организации. Со временем оно конечно приобретет более осмысленное звучание. Это противостояние трактуется как широкое историческое противостояние левых и правых. Для тех кто знаком с моей теорией психической энергии хотя бы поверхностно, должно быть очевидно, что все закончится полной победой Сэлинджеров, которые произведут научную революцию в Корнелле, разгромив дарвиновскую парадигму и провозгласив открытие психической энергии.

Гордон Олпорт

Карен Хорни

Глава 1. День Дракона

Меня зовут Аврора Хорни. Это имя я придумала себе сама: оно состоит из частей имен двух великих женщин: Авроры Дюпен (Жорж Санд) и Карен Хорни. Я россиянка грузинского происхождения, которой посчастливилось учиться в одном из лучших западных университетов. 2007 год остался самым ярким впечатлением моей юности. Все поблекло, катастрофы потускнели со временем, праздники остались в прошлом, а глубина духовного потрясения того периода продолжает жить в моем сердце ярким слепящим пятном, окрашивающим все прочее пространство памяти.

Мне было семнадцать лет и мне посчастливилось стать студенткой Корнельского университета в Америке. Такое счастье выпадает даже немногим американцам, что уже говорить о россиянах. Я прошла по конкурсу и получила стипендию. Меня называли маленьким гением, но у меня не кружилась голова от этих слов. Когда тебя бог на самом деле отяготил бременем таланта, ты чувствуешь себя брошенным в глубоких водах океана мысли, из которых тебе предстоит выплывать самостоятельно. Ты смотришь вокруг и видишь только хаос и бессистемность, противоречие теорий и гипотез, и понимаешь, что помощи ждать неоткуда. Твой талант вовсе не панацея, указывающая дорогу истины, а всего лишь способность видеть тот океан хаоса, в котором мы все барахтаемся. Эта ноша подкосила не одно храброе сердце, и я уже начинала сгибаться под ее тяжестью. Не знаю, что случилось бы со мной, если бы не эта удача, давшая мне направление в моих поисках.

Вы не нашли бы второго такого счастливого человека не только на территории Корнеллского университета, но и на территории всех восьми университетов Лиги Плюща, достойным членом которых состоит и Корнеллский университет, то есть теперь уже мой университет. Была ли я счастлива, дамы и господа, товарищи и друзья!

Мало того, что я оказалась там, где доступ к знаниям обещал создать мне рай для души, город Итака, в котором расположен главный кампус нашего университета, оказался настоящим эдемским садом. Только представьте себе три озера-моря, каждое длиной почти в 60 километров, журчание прекрасных водопадов, парки плавно переходящие в леса, навесные мосты и грандиозную изысканную архитектуру в 608 зданий, раскинувшуюся на 2300 акров или на 9,3 квадратных километрах. Этот город штата Нью-Йорк был назван именем греческого острова Итака в силу роскоши его природного ландшафта. Эдемский сад, греза, мечта живописца. Корнелл это почти 50 лауреатов Нобелевской премии, связанных с ним как студенты или преподаватели. Это репутация «символа научных инноваций», это почти 20 000 студентов со всего мира и около 7 000 аспирантов; это специальность «инженерная физика» как одна из лучших в мире образовательных программ, которой издание U.S. News & World Report неоднократно присуждало первое место в рейтинге инженерных программ. Это 31 лауреат стипендии Маршалла и 28 лауреатов стипендии Родса.

Я поступила в колледж инженерной физики и встретила там много талантливых ребят, удививших и даже обескураживших меня глубиной своего развития и своих познаний. Наши познания в физике и математике были вполне сопоставимы. Но то как много они знали за пределами выбранной специальности не шло ни в какое сравнение с моими скудными знаниями. Я приложила все силы, чтобы соответствовать им, наша дружба стала прекрасным стимулом и мотиватором в учебе. Впрочем, друзьями мы стали почти сразу и именно эта дружба стала основой того терпкого счастья первого года моего пребывания в Корнелле, аромат которого я до сих пор отчетливо ощущаю в своем сердце.

Англичане Ричард Уэйн и его мама, читавшая лекции по литературе в Корнелле. Джеймс Смит, самый демократичный американец греко-ирландского происхождения, которого я когда-либо встречала. Француженка Флер Готье, феминистка и революционерка. Барух

Яacobсон, по прозвищу Эйнштейн. Американский немец Гюнтер Герц, научивший меня всему, что я знаю о философии теории познания. И наконец, Гия Канчелли, грузин, развлекавший нас своей первоклассной живописью. Наша большая семья, как приятно мне вспомнить друзей моей юности и процитировать вместе с Герценым, также обращавшемуся взглядом к прошлому счастью своей дружбы – «друзья, мой череп принадлежит вам».

Мы были первокурсниками в колледже физики и жили в одном общежитии. Конечно, там жили не только мы, но только эта тесная компания стала для меня семьей на тот первый год моего пребывания в Корнелле. Мы как то сразу узнали друг друга и полюбили и потом уже все делали вместе.

Когда я только приехала я стала жертвой восторженной стайки американских студентов, очарованных древними традициями и легендами Корнелля, а особенно его тайными сообществами, попасть в которые они даже не мечтали, а если мечтали, то боялись произносить мечту вслух, чтобы не спугнуть ее. Уже с первых дней я была наслышана о «Черепях», тайном студенческом сообществе, возникшем в Йельском университете в первой половине 19 века (в 1832 г). Девочки рассказали мне с замиранием сердца и восторженным придыханием, что Энрю Уайт, второй после Эзры Корнелла создатель университета и первый президент, тоже был выпускником Йеля и «черепом», то есть членом тайной организации «череп и кости». Эти два друга сенатора создали университет в 1865 году, благодаря закону сената штата Нью-Йорк о предоставлении земли штата для нужд ВУЗов. Сенатор Эзра Корнелл предложил свою ферму в Итаке и полмиллиона долларов, другой сенатор Эндрю Уайт горячо поддержал его инициативу и стал первым президентом Корнелла.

Ходили слухи, что тайное общество «черепов» распространило свое влияние и на Корнелл уже с момента основания, так как Энрю Уайт был посвящен в «череп» в Йеле. Мне не хотелось верить в эти средневековые глупости, но я набрала на своем айфоне википедию и воочию убедилась, что как минимум три президента США были «черепами», и да, вот и Эндрю Уайт, основатель Корнелла среди участников этой средневековой мистики. Это все настолько не вязалось с моими представлениями о мировом центре образования и науки, куда я собственно ехала, что у меня начался когнитивный диссонанс, мягко переходящий в шок. А девочки еще пару недель продолжали грузить меня подобной чепухой. «Если девственница пройдет по университетской Площади искусств в полночь, то статуи Эзры Корнелла и Эндрю Уайта сойдут со своих постаментов и встретившись в центре площади пожмут друг другу руки».

Слушать такие глупости, произнесенные с восторгом и экзальтацией, было страшно. Моим спасением стала встреча с Ричардом Уэйном, который долго смеялся, слушая мое возмущение. Мы сели в библиотеке за один стол, и я увидела у него книгу Сэлинджера.

– Разве Сэлинджер не запрещен в этом штате? – спросила я его

– Запрещать перестали. Наоборот включили в школьную программу, – пожал широкими плечами Уэйн, – я привез ее с собой из Англии. Я всегда вожу ее с собой, особенно в Америку. – и он так душевно расхохотался, что я сразу почувствовала что мы станем друзьями.

– Не слушай этих дурочек, серьезные люди не имеют никакого отношения к тайным организациям. Это все мифы и легенды для мистиков, которые приходят сюда не учиться, а развлекаться. Везде ведь есть свой процент бездельников.

Так мы потом и разделились в колледже на тех, кто жил этими мифами и кто смеялся над ними. Я попала в счастливое сообщество последних, и мы очень здорово проводили время вместе.

В год нашего поступления в Корнелл, в 2007 году, случилось еще одно важное для нашего дальнейшего пребывания происшествие. В Корнелле разразился скандал в связи с «хейзингом», который практикуют тайные общества. Вот что сообщает по этому поводу Википедия:

«Явление хейзинга представляет собой проблему как в организациях с представителями белой расы, так и с афроамериканскими и латиноамериканскими членами сообществ. Несмотря на то, что Национальный Панэллинский совет запрещает изнурительный труд и ритуальные унижения, на деле все оказывается совершенно по другому и приводит к множеству смертей и увечий. В 1989 году в Alpha Phi Alpha скончался Майкл Дэвис, в 2002 году во время прохождения процедуры посвящения погиб Джозеф Грин. В том же году во время ритуальных действий в Alpha Kappa Alpha умерли Кэнет Саафир и Кристин Хай. Несмотря на строжайший запрет на физически изнурительные ритуалы, они все равно имеют место в студенческих организациях, управляемыми несколькими собраниями сообществ. В 2007 году собрание Корнеллского университета Lambda Teta Phi было закрыто и двое из членов были арестованы по подозрению в совершении преступления действиями, в которых они угрожали испытуемым физической расправой, не давали спать, насильно заставляли принимать обет молчания и разговаривать лишь в семье и на занятиях с членами студенческого братства. Некоторые учебные заведения предали анафеме „организации греческих букв“ с полной уверенностью в том, что эти организации в своих структуре и методах управления не похожи на организации, сформированные демократическим путем. Наиболее известными эпизодами стали события 1980 года в Принстонском университете. В недавнем прошлом братства также были запрещены в Уильямском и Амхерстонском колледжах. Администрация университета Виктории потребовала запрета на функционирование студенческих братств».

Как можно видеть наш Корнеллский университет стал просто рассадником этих тайных студенческих братств, и в год нашего поступления это стало уже очевидным для всех., когда одно из них было закрыто, а члены его арестованы.

Другим, специфически корнеллским мифом был миф о Набокове и его мерзкой книге, которой здесь восхищалась та же аудитория. Как правило, те, кто любил мифы о тайных братствах, поддерживали и мифологию о Набокове и его Лолите. Они знали место, где он жил в Итаке, в каких зданиях читал лекции, знали наизусть снятые фильмы по Лолите, слушали одноименные оперы. Трудно представить себе более тошнотворный миф. Заметно было, что их завораживал успех, сама идея широкой популярности, славы и богатства, на которой строится попсовая культура Америки.

Глухое отращение, которое будила в нас вся эта мифология, от ритуального хейзинга братств до лолит-лавинг, еще крепче спаяло наш союз интеллектуалов. А скандал 2007 года окончательно расставил все точки над «и» уже с правовой точки зрения. По крайней мере, в отношении тайных сообществ. Мы демонстративно отказывались вступать в какие-либо сообщества, наглядно показывая, что наш круг в семь-восемь человек тоже сообщество, вполне устраивавшее нас на тот момент. Мы даже отказались от участия в спортивных соревнованиях, поскольку именно с этими соревнованиями была связана острая конкуренция всех обществ, тайных и явных, и именно спорт являлся средоточием университетского тщеславия. Что впрочем не мешало нам заниматься спортом самостоятельно.

Однажды Гия принес нам майки, на которых он напечатал свой рисунок: Холдена Калфилда, которого стошнило у кинотеатра с яркой афишей. Мы посмеялись в полной уверенности, что никогда этого не оденем. Но после очередного спектакля Лолита, широко рекламируемого в радио и СМИ Корнелла, мы не сговариваясь, все вышли на следующий день в майках Гии.

Я уже говорила, что мои друзья поразили меня своим общим развитием и глубиной знаний в других, мало связанных с физикой областях. Я была довольно своим уровнем, пока не познакомилась с ними. Золотые медали на Олимпиадах приучили меня думать, что мое развитие находится на должном уровне, и я расслаблено ждала лекций и семинаров. Общение с моими новыми друзьями показало мне всю убогость моих знаний. В сущности, на тот момент я не знала ровным счетом ничего, и если бы не тот громадный поток информации,

который каждый день лился на меня из их заботливых и насмешливых уст, я конечно никогда не стала бы настоящим ученым, оставаясь на уровне заурядного студента физика.

Ричард рассказывал мне о литературе, которую он знал так глубоко и хорошо, что легко дал бы фору не только первокурсникам соответствующей специальности, но и выпускникам. Я в этом нисколько не сомневалась.

– Моя мама читала лекции в Кембридже сколько я себя помню, – улыбнулся Ричард, когда я выразила свое полное восхищение, – а потом мне и самому стало интересно. У деда громадная библиотека, и когда я проводил у него в деревне длинные летние каникулы, мне было чем заполнить праздные будни.

– Ты говорил, что теперь она здесь, ты приехал вместе с ней.

– Да, в этом году она начала читать лекции в Корнелле. Два года назад погиб мой отец, он был полицейским. Она никак не может этого пережить. Решила сменить обстановку.

Когда позже Ричард пригласил меня вместе с Флер к своей маме на чай, она, как только мы остались одни, нервно куря в аккуратную хрустальную пепельницу, начала диалог с того, что сообщила нам:

– Отец Ричарда погиб два года назад. Очередной безумный теракт. Я уехала из Кембриджа после двадцати лет неотлучной жизни в нем.

Было очевидно, что она борется с трагедией, которую еще не пережила, и которая угрожает засосать ее мраком своей зияющей раны. «Над пропастью во ржи», – почему то подумала я тогда, вспоминаю книжку Сэлинджера, которую Ричард привез с собой в Корнелл. И пообещала себе почаще заходить к миссис Уэйн на чай. Скоро мы стали с ней настоящими друзьями и она подолгу и с удовольствием рассказывала мне о разных книгах и авторах, которые меня интересовали.

– Я написала две книги, которые были изданы небольшими тиражами в Англии и разошлись в течении пяти-десяти лет. Немного людей меня знает, но тем не менее есть поклонники и у моего небольшого таланта, – улыбнулась она мне однажды, и я поняла что мы подружились. И конечно я очень просила ее книги, не только чтобы сделать приятное бедной женщине, мне действительно было очень интересно, ведь я тоже делала робкие первые шаги как автор.

Флер подолгу болтала с ней на французском, поражаясь чистоте ее произношения и глубине знаний. Французскую литературу миссис Уэйн читала в оригинале и очень гордилась этим. И конечно разговор всегда крутился вокруг любимой темы Флер: Симоны де Бовуар, которая была ее кумиром и Сартра, единственного философа, которого она признавала.

– Я обязательно найду своего Сартра, – говорила она хитро прищурившись, когда прощалась, чем очень веселили маму Ричарда.

– Я бы рекомендовала вам его друга, Камю, – отвечала она. – Сартр сделал карьеру и счастье Симоны Бовуар, но его философия кажется мне пустой. Почитайте «Бунтующего человека» Камю и сделайте выводы сами. После этой книги Сартр разорвал с ним дружбу.

Я нашла книгу Камю и прочитала ее. Я была потрясена ею как откровением. Ведь из нее следовало, что далеко не все книги прекрасны, не все успешные авторы оказывают просветительское позитивное влияние на свою аудиторию. Даже больше, из нее следовало, что нет многих истин, есть только одна, та что выражает природу человека, природу, которую отрицает Сартр. Гуманизм. Но что же тогда такое свобода? Что такое либеральная культура?

Я обсуждала эту книгу с мамой Ричарда и она осталась очень довольна тем влиянием которое книга на меня оказала, и теми выводами, которые я из нее сделала.

– Вы далеко пойдете, – сказала она мне тепло улыбувшись. – У меня не было таких талантливых студентов. Нет, пожалуй, был один. Он тоже умер в результате теракта. Блестящий выпускник Кембриджа. Мы все гордились им. Он придумал и вел гуманитарный проект «Учимся вместе», цель которого была в обучении и адаптации бывших заключенных. Один из них его и убил ножом прямо на лекции.

– Зачем?

– Кто-то из очередной религиозной группировки. Он был отпущен досрочно в связи с новыми законами.

– Что вы думаете о книге Хантингтона «Столкновение цивилизаций» в этой связи? – спросила я ее, вспомнив, как горячо спорили об этой книге Барух, Джеймс и Гюнтер.

– Я думаю, что нет и не может быть никаких самобытных цивилизаций. Я думаю, что цивилизация одна, и варварство одно. Я думаю, что у всех народов и во все времена одинаковая интеллигенция и одинаковы варвары. Бороться надо не с чуждыми цивилизациями. Бороться надо с невежественным сознанием. Надо защищать научное сознание. Но до этого никому нет дело. Вот что страшно. Современная парадигма отдала научное сознание на убой.

– Да, – согласилась с ней Флер, – вы совершенно правы, миссис Уэйн. Я думаю, Симона Бовуар была бы в шоке, если бы могла видеть, что творится в современной Франции.

Мы впоследствии подолгу беседовали с миссис Уэйн, но она больше не возвращалась к этой теме, слишком болезненной для нее. А я помимо своей воли стала много думать над вопросами, которые она поставила. Что значит религиозное и научное сознание? Как их разграничить? Есть ли инструментарий в современной науке для такого разграничения? Даже для постановки вопроса?

Гюнтер Герц поразил меня своими познаниями в эпистемологии. Это благодаря ему я узнала о теории научных революций Томаса Куна, научившись правильно употреблять слово «парадигма»; это он научил меня понимать противоборство философий рационализма и эмпиризма и различать философов каждого направления. Наконец, он показал мне разницу между тем, что принято было называть научным методом в социальных науках и научным методом в естественных науках. Кантианство и неокантианство, дарвиновская парадигма, позже мы часто и подолгу спорили на эти темы, и именно в этих спорах я научилась уверенно обращаться с этими темами, окончательно уяснив себе их суть.

Гюнтер был немцем, который глубоко анализировал и переживал историю и культуру своего народа. «Клоун» Белля гипнотизировал его, сподвигая на глубокие самокопания. У него была своя теория победы Гитлера в Германии в 30-х годах, о которой он часто нам рассказывал. Его бесконечные споры с Барухом о протестантстве, которое было второй любимой темой Гюнтера, были настолько занимательными, что как правило вовлекали в спор всех нас. Так я узнала религиозную историю Европы.

Гюнтер очаровывал меня не только своими познаниями в гносеологии. Он утверждал, что современная парадигма «давно свое отжила», что дарвинизм уничтожил социальную науку. Что то, что есть настоящего у теории Фрейда изуродовано дарвиновской парадигмой, «биологизмом», как он говорил. Он утверждал, что только слепой осел мог говорить, что противостояние между рационализмом и эмпиризмом осталось в прошлом, что современная теория познания одинаково включает и то и другое. «Рационализм непременно победит!», – говорил Гюнтер с таким видом, что я безоговорочно ему верила. Он ненавидел всех эмпириков от Гоббса и Юма до позитивизма Конта и критической философии Канта. Он называл Канта «иудой», предавшим «великое дело рационализма» в своей «смешной попытке соединить рационализм и эмпиризм». Он называл философию Гегеля «несчастливым уродцем», родившегося от кантианского брака рационализма и эмпиризма. «Ни богу свечка, ни черту кочерга», – презрительно фыркал Гюнтер при одном упоминании о диалектической логике. Его кумирами были Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Бэкон. Он ненавидел современную науку, которую он называл «дарвино-фрейдовской парадигмой» и предсказывал ей очень скорый коллапс: «Попомните мои слова. Не пройдет и нескольких десятилетий, как теория Томаса Куна обогатится еще одной научной революцией. Самой радикальной за все время!» Его стихи «Поэзия фрейдизма» напечатали в университетской газете и они имели большой успех в Корнелле:

Джеймс Смит поразил всех нас горячностью своего политического темперамента, если можно так выразиться. Если Гюнтер постоянно рефлексировал на тему немецкого фашизма и истории протестантизма, то Джеймс никогда не забывал тему мировых левых революций, положивших начало демократии во всем цивилизованном мире. Казалось, он знал об этом все. И поскольку эти революции самым тесным образом были связаны с немецкой Реформацией, они часто часами с Гюнтером обсуждали подробности различных исторических поворотов и соотношение конкретных фактов, трактуя их по своему. Это была удивительно интересная дискуссия. Флер, большая поклонница французской революции, никогда не могла оставаться в стороне, когда слышала, что Гюнтер и Джеймс опять ввязались в спор. Но как ни увлечен был Джеймс революциями, реформацией и демократиями, настоящим его увлечением была более узкая, так сказать специализация этой общей его темы: книги Джерри Порраса и Джима Коллинза о визиарных компаниях, которыми он научил всех нас восхищаться. «Построенные навечно» (Джерри Поррас и Джим Коллинз) и «От хорошего к великому» (Джим Коллинз).

Эти книги стали результатами многолетнего исследования, предпринятого учеными Стенфордского университета Джерри Поррасом и Джимом Коллинзом. Это исследование о лучших компаниях по всему миру, которыми как правило были «золотыми медалистами» в своей отрасли и «не раз били рынок». О компаниях, которые внесли неизгладимый вклад в мировую культуру и просуществовали около или более века. Шесть лет ученые Стенфорда вели интервью с менеджерами и работниками этих компаний по всему миру, анализировали их отчетность и историю, и в конечном итоге пришли к выводам революционным на их взгляд: все эти компании имеют сходные механизмы устройства, общие закономерности, которые и делают их великими, лучшими и даже двигателями мировой культуры. Речь шла о таких компаниях как 3M, P&G, Sony, Boeing, HP, Merck, Marry Key и др

Эти компании — «золотые медалисты» сравнивали с другими, тоже очень успешными компаниями, но «серебряными медалистами» (метафора авторов исследования). И оказалось, что первые компании образцы демократии и научных инноваций, последовательно и целенаправленно развивавшиеся совместными усилиями. Они назвали эти компании визиарными от слова «visionary», то есть провидцы, способные подобно всем ученым предвидеть будущее. А вторые напротив образцы иерархий, «генералов и лейтенантов», «гения с тысячью помощниками», которые не уделяли столько внимания научным инвестициям, не имели целостной программы развития, а двигались рывками, поглощая компании или разрабатывая какой-нибудь новый продукт, который побьет рынок.

Идея Джеймса состояла в том, что авторы этого исследования сделали гораздо более революционное открытие, чем они думали: они вскрыли внутренний антагонизм между демократическими и консервативными силами в Америке, и показали, на что способна была бы их страна, если бы все, а не только самые лучшие единицы, были подобны визиарным компаниям Порраса и Коллинза. Сравнимые компании по мнению Джеймса не были никакими «серебряными медалистами», а всего лишь реакционной силой, тянувшей страну и цивилизацию назад во времена королей и королев, господ и батраков. Чтобы доказать свою мысль он приводил в пример книгу другого американца, совсем не ученого, топ-менеджера Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли». В этой книге прямо говорилось на анализе личного опыта автора и других известных компаний, что именно такова структура и цель обычных компаний: короли, вельможи и батраки. Меня совершенно потрясли эти рассуждения и открытия Джеймса.

Барух Якобсон был американским евреем, который увлекался Спинозой и Эйнштейном, и утверждал, что знает о них все. И поскольку оба они были реформаторами не только в философии и физике, но и в религии, то и он считал себя отчасти религиозным реформатором, с удовольствием вступая в спор с Гюнтером и Джеймсом. И поскольку Гюнтер всегда рефлексировал на фашизме подобно Беллю, он особенно нежно любил Баруха. Барух в свою очередь

любил говорить, что такого понятия как нация нет, и что это единственное в чем согласен с Марксом. Поэтому он иронизировал над «совестливым духом» Гюнтером. Любя Эйнштейна, он любил Ганди и Толстого, и любил рассказывать об их переписке. Так я стала немного разбираться и в истории русского протестантизма, и в том вкладе, который индуизм внес в мировую политику.

Гия рассказывал нам об истории живописи и о жизни великих художниках, о которой он знал казалось все. О книгах, самых удачных на его взгляд биографиях художников. Здесь у них было много общего, ведь Барух, подражая Эйнштейну, играл на скрипке, и считал, что знает все мелодии, которые играл великий физик. Они часто спорили, чья биография Микеланджело – Ролана или Ирвинга – более удачная, и всякий раз приходили к новому выводу. Самым трогательным для меня лично было видеть их за совместным исполнением грузинских песен.

А мы с Гией любили пересматривать фильмы Данелии на русском языке, и научили их любить своих друзей. Премия Феллини, между прочим, авторитетно замечал им Гия, словно сомневался в искренности их интереса. Сначала мы переводили, но вскоре наши друзья научились понимать без перевода, и я поняла, что они смотрят на эти просмотры еще как на возможность познакомиться с русским языком. Гия божественно готовил, и как ни славился Корнелл качеством своего питания, в Гия ни во что его не ставил, и нас приучил предпочитать свою кухню. Мы не боялись поправиться в ту пору, так велики были и умственные и физические нагрузки. Я худела, несмотря ни на что, а мои друзья все занимались спортом. Только Ричард отказывался от спорта в пользу танцев, но и танцы перестали его интересовать после смерти отца.

Именно эта атмосфера жизни в громадном международном академическом центре, где мне удалось найти таких глубоких, интересных, развитых, настоящих друзей; эта атмосфера философии, науки, искусства и человечности, которой они меня окружили; атмосфера дерзкой фронтды всему посредственному, невежественному, пошлomu и составляло то острое, сногсшибательное чувство счастья, которое стало источником моей творческой энергии вплоть до этих дней.

Я любила каждого из них и всех вместе взятых; я верила каждому из них как самой себе или даже больше; я уважала каждого из них и восхищалась ими. Я одинаково скучала по нервной манере миссис Уэйн и толстым очкам Гюнтера; по подтяжкам Баруха и перепачканному красками Гийе; по длинным белокурым волосам Ричарда и по педантичности Джеймса. Это он познакомил нас с Флер, и мы так подружились, что даже после того как Джеймс и Флер перестали интересоваться друг другом в романтическом плане, мы оставались друзьями. И только Гия ворчал, что она не знает, что значит быть «настоящей женщиной». Флер обожала картины Гии и все ему прощала.

– Однажды ты станешь моим Сартром, – дразнила она его под наш общий хохот.

Океан хаотичных знаний, в котором я чувствовала себя утонувшей, становился все глубже и необъятнее, по мере того как потоки информации со всех сторон врывались в него, усиливая волнение и поднимая настоящий шторм в моей голове. Нервы натянулись до предела. Я понимала, что должна быть достойна своих друзей, что восхищение должно быть взаимным. Я тратила все свободное время на чтение, и всегда внимательно прислушивалась к тому, что говорили мои друзья. Я чувствовала себя так, словно была героиней глобального приключенческого сюжета, и как у всякой героини, несмотря на все трудности и препятствия, у меня хватит силы преодолеть все барьеры. Я боролась и была счастлива этой борьбой. Я училась, и полученные знания только усиливали мою жажду знаний. Я общалась со своими друзьями и была счастлива тем восхищением, которое они мне внушали.

Мы закрыли первые семестры на самые высокие балы. Наша небольшая компания все больше и больше выделялась среди тысяч студентов населявших главный кампус в Итаке.

Ричард стал первым писать в местные газеты. Его журналистские отчеты шли на ура. Картина Гии пользовались большой популярностью на местных выставках. Я стала понемногу писать небольшие художественные очерки в местные журналы. Джеймс, Барух и Гюнтер печатали научные статьи.

Лекции мамы Ричарда, которая отважно критиковала романтизм с позиций реализма стали пользоваться большим успехом. Статьи Флер о французской революции и о феминизме Симоны Бовуар тоже нашли своих почитателей, и вокруг Флер стало собираться движение феминизма. Как ни трудно мне было поспевать за моими друзьями, этот дерзкий вызов и коммуна нашего духовного единства делали меня бесконечно счастливой. Так прошел еще один семестр.

Наконец, в последнем весеннем семестре, когда дело стало клониться к летним каникулам, все стали готовиться к двум главным праздникам весны в Корнелле: Дню Дракона, одной из старейших традиций ВУЗа (с 1901 года), празднуемому 17 марта, в день Святого Патрика, и Дню Весны – празднование последнего дня семестра.

Как все первокурсники мы очень ждали День Дракона, чтобы посмотреть на ритуальную церемонию: как студенты пронесут дракона, сооруженного студентами архитекторами, через центральную площадь кампуса и потом сожгут вместе с язвительными заметками, прикрепленными к нему. Это был великий день для нас. Мы были счастливы своей молодостью, своей дружбой, своими успехами, приближающимися каникулами, пьянящей красотой, окружавшей нас природы. Все пело, танцевало, смеялось вокруг нас.

– Я пойду танцевать, – вдруг сказал Ричард, когда мы шли мимо площадки, на которой страстно танцевали латинские танцы. Он не танцевал свои любимые танцы со дня смерти своего отца. – Пойдешь со мной? – повернулся он ко мне. Я говорила ему, что занималась в отрочестве в студии бального танца.

– Да, конечно. – Я не посмела бы отказать, так меня порадовала мысль, что он нашел в себе силы преодолеть горе. Но мне совсем не хотелось танцевать. Я не помнила движений, но музыка и пластика танца были у меня в крови как у всех, кто однажды увлеченно исполнял самбу, румбу или ча-ча-ча.

Мы закружились в пламенной самбе, сливаясь в гармоничных движениях в одно существо. Это было совершенно потрясающее, ни с чем несравнимое переживание. Друзья поздравляли нас после танца, в этом шуточном конкурсе мы заняли первое место. Мы все громко смеялись и пили соки с ореховым мороженым. Как вдруг к нам подошел очень красивый, высокий молодой человек и чинно представился:

– Меня зовут Андре Филлипс. Я учусь на третьем курсе юридического факультета. Мы как раз ставим спектакль и ищем актрису на главную роль. Вы меня поразили своим танцем. Можем мы надеяться, что вы придете на кастинг? Это моя визитка.

Он так же чинно раскланялся с моими друзьями, всем широко улыбнулся и исчез в толпе. Наш праздник был безнадежно испорчен.

– Какой-нибудь «череп», – зло выдохнул Ричард. – Не понравилась мне его физиономия. А вы что скажете?

– Я скажу, пусть попробует, – сказал Гия, – а мы на спектакле посмеемся.

Мне бы следовало выкинуть эту визитку и навсегда забыть об этой встрече, и я бы наслаждалась безоблачным счастьем в обществе моих друзей до конца обучения.

«Поэт поет свободу ум
Честь совесть и скульптуру
Фрейдист напротив плоть поет:

Либи́до с дефекацией
А ум честь совесть он зовет
Всего лишь рационализацией

Фрейдистская поэзия
Имеет три деления:
Оральное, анальное,
Фаллическое мнения

Оральные стихи
Оральный поэт пишет:
На стадии соски
Живут его мозги

А садомазохизм поет
Поэт анальный
Не справился с горшком
И попу посадил на трон
Он в возрасте трех лет
Ущерб моральный

Быть педерастом иль не быть
Дилемма третьей стадии
Иль смог ты страх кастрации пережить
Иль будешь вечной парией
Отцом умело притворись
И маму возжелай
За фаллос свой не убоись
И смело начинай
Эдипову поэзию

Как солнце проглотил
Известный крокодил
Либи́до проглотило
Все разума светило
Поэзия фрейдиста
Отрада для садиста
И гимн для мазохиста

Скрестить противоположности
не вздумайте вы вдруг
Поэта с Фрейдом обобщать
Гегеля недуг
Смешная диалектика
Поэта и генетика»

Глава 2. Самовлюбленность

Я собственно так и сделала. Выкинула визитную карточку, и думать забыла об этом глянцево-молодом человеке со слащавой улыбкой. Вот только он не забыл обо мне. Много раз до конца семестра он напоминал мне о себе записками, я не отвечала. Тогда он нашел мой телефон и написал СМС: «театральная труппа Корнелла будет счастлива видеть вас в роли Джульетты. Кастинг не требуется. Андре Филлипс». Над этим сообщением мы долго смеялись с моими друзьями. Какая неслыханная пошлость: в роли Джульетты! За кого они нас принимают?

– Да, но как он нашел твой телефон? – спросил Гия

– О, очень просто. – усмехнулся Ричард. – Разве не очевидно, что он один из этих элитных мальчиков. Интересно только как он тебе объяснит, где взял номер телефона? И почему даже не извинился, что воспользовался без твоего согласия?

Мы, конечно, смотрели все три фильма о «Черепях», но верить до конца в криминальные связи и коррупцию правительства нам не хотелось. Тем не менее, существование тайного элитного сообщества факт, и по крайней мере такую мелочь как номер телефона им не сложно найти.

– Я его просто заблокирую и все. – сказала я, начиная пугаться этому навязчивому вниманию.

– Это правильно, потом он напишет с другого телефона, – сказал Ричард – И на то сообщение тоже не отвечай. Просто забань и все.

Однако, Андре Филлипс не стал писать с другого номера, он нашел меня сам.

– Я допустил большую ошибку, – начал он с извинений, – простите меня, если сможете? Вы сможете меня когда-нибудь простить?

– Что вам угодно, сударь? – как отвечать на подобное хамство без иронии

– У меня большие связи, – честно признался он. – Мне не составило труда найти ваш телефон. Я не должен был, но вы не отвечали на мои записки, мне не хотелось верить, что мы никогда не станем друзьями. Я просто не могу в это поверить. И вы, и ваши друзья, вы меня просто очаровали. Простите ли вы меня когда-нибудь?

– Буду с вами откровенна. Вряд ли я смогу простить вам такое бесцеремонное вмешательство в мою личную жизнь. И вряд ли это понравится моим друзьям. А если вы завтра неудержимо захотите чего-нибудь более пикантного вы тоже будете оправдывать нечестный поступок неспособностью преодолеть соблазн? Извините. Я буду просить вас не беспокоить нас больше.

– Подождите еще минутку. Я заслужил все, что вы мне сказали. Я не стою вашей дружбы. Но дайте мне шанс искупить свою вину. Моя большая ошибка в том, что я предложил вам роль Джульетты, а вы и ваши друзья уже известны своим полным неприятием романтики! Какая оплошность с моей стороны! Я думал вас порадовать... Многие студентки Корнелла отдадут десять лет жизни, чтобы получить эту роль в нашем спектакле. Но что вы скажете о роли госпожи Бовари? Мы уже готовим сценарий по роману, специально для вас! Мы готовы ради вас изменить весь репертуар нашего театра.

Я с любопытством посмотрела в его зеленые глаза. Зачем ему все это надо? Его глаза оставались совершенно непроницаемы, мне даже почудилось какое-то трогательное волнение в их потемневшей глубине.

– Госпожа Бовари? Но почему вы решили, что я справлюсь с ролью?

– Я видел, как вы танцуете, я читал ваши стихи и рассказы в газете Корнелля. Наконец, ваш дружеский кружок уже известен в университете своей академичностью и глубокими познаниями в литературе.

Заговорив о моих друзьях, он внушил мне некоторое доверие. Но вспомнив о друзьях, я преодолела все проснувшиеся было соблазны в душе, и жестко отказала.

– Пожалуйста, не будем больше возвращаться к этому разговору. Мои друзья тоже не рекомендовали мне театральную деятельность.

На этом я поставила точку, и больше уже не думала о мистере Филлипсе.

Приближалось время летних каникул, мои друзья с радостью готовились вернуться домой. И только я твердо сказала, что никуда не поеду. Во первых, я никогда не видела такой красоты природы и наслаждалась каждым днем проведенным в Итаке, ведь некому было меня баловать туристическими круизами. И летом, когда все эта красота обозначилась во всем своем цвету и роскоши, мне меньше всего хотелось ее покидать. И тем не менее не это обстоятельство послужило главной причиной моего отказа. Я решила остаться, чтобы поработать в одной из крупнейших библиотек в Америке, пока мои друзья будут отдыхать. Они заслужили отдых, они так много всего знают, а мне надо использовать это время, чтобы приблизиться хотя бы к их уровню. Список книг, которые мне надо прочитать я составляла долго и основательно, выводя имена авторов из наших долгих бесед с друзьями.

– Какая ерунда! – сказал Гия. – Поедем со мной в Грузию, я покажу тебе самые красивые места.

Аврора, поедем в деревню к моему деду, там не только очень красиво, у моего деда потрясающая библиотека, я тебе рассказывал!

Я отказала своим друзьям, скрипя сердце, которое всей своей глубиной рвалось ехать вместе с ними. Но я чувствовала, что для того чтобы сосредоточится мне нужно уединение, иначе я буду отдыхать вместе с ними и никакая сила не заставит меня работать. Я ведь тоже изрядно устала за этот год.

Я поступила неправильно, хотя в конечном итоге все наши невзгоды обернулись нам на пользу. Но на тот период я приготовила себе много ненужной боли.

Друзья мои разъехались, и я принялась аккуратно посещать библиотеку, одалживая нужные мне книги и проводя много времени с этими книгами на лоне природы. И конечно меня нашел Андре Филлипс, которому это опять не составило никакого труда. Но тогда я была поражена.

– Вы? Что вы здесь делаете? Разве вы не на каникулах как все? Здесь только школьники из летних школ да я.

– Вы ошибаетесь. Вся наша труппа здесь. Мы изменили репертуар, подготовили пьесу по госпоже Бовари и ждем вас. Вы наверное думаете я избалованный мальчишка, который привык получать все что захочет... Вы не представляете каким одиноким растет человек в этих домах, подавляющих с детства своей роскошью... Вы не представляете что значит быть сыном человека который привык командовать армиями или целой страной... Я знаю, что все это звучит как сентиментальная роль из плохой пьесы, но эта правда... Помогите мне пожалуйста стать частью вашего небольшого коллектива. Вашим друзьям я не понравился, но ведь они ничего обо мне не знают. Я восхищаюсь ими. Я хочу чтобы вас узнало как можно больше людей в университете, чтобы мы вместе побороли романтизм, чтобы миссис Уэйн помогла нам с подбором пьес, чтобы мы тоже перестали быть наивными пошляками и могли похвастать вашим утонченным вкусом.

Он заходил с правильной стороны. Мои друзья, которыми я жила и восхищалась. Тогда мне трудно было поверить, что к ним можно относиться иначе. Конечно, он искренен, что хочет стать частью нас. И хотя подсознание говорило мне, что все это фарс, и я чувствовала это в каком то приступе тошнотворной антипатии, которую не умела себе объяснить, я считала своим долгом скрыть свою неприязнь. Если человеку нужна помощь, я не вправе от него отворачиваться. У него был точный расчет. Друзей моих не было в кампусе, они не смогут

помешать его плану. А я, стараясь ради друзей и из христианского сострадания, самым верным способом попаду в его сети. Так все и случилось.

Я так сильно скучала по моим друзьям, а он так вовремя представился как претендент на часть нашей компании. Часть моей нежности к друзьям перешла к нему незаметно для меня. Он так ловко изображал грусть и печаль недостойного нас человека, что я не поняла, как эта тонкая лезть ядом разлилась по моему сердцу. Я поверила, что жалею его за то, что он «элита», что у него «тяжелое детство» и «одинокость», что он лишен «нормального общения», отдавая приказы слугам и слыша в ответ только заискивания. Я поверила, что жалею его, я приняла снисходительный тон, я ждала своих друзей, которые, я была уверена в этом, выслушав его, тоже проникнуться сочувствием и возьмут на себя его перевоспитание. Трудно себе представить большую чушь. Но ведь влюбленность никогда не рождается от ума, и всегда от глупости. Я считала, что «реализм», который я исповедовала в литературе, вполне хранит меня от романтических глупостей, и приняла предложение поработать вместе над госпожой Бовари.

В этот момент ловушка захлопнулась, его лезть уже отравой самовлюбленности разлилась по моему сердцу, – отравой, которой на сознательном уровне я совершенно не фиксировала. Уверенная что работаю ради своих друзей, я не заметила, что приняла мысль о расширении «организации». На тот момент у нас был тесный личный круг и никакой организации. Мне просто польстила мысль, что мы могли бы стать новой другой настоящей организацией. И эту мысль внушил мне Андре. Нет, сама по себе мысль была хороша, и вскоре мы ее осуществим. Но на тот момент она была только яблоком соблазна, никаких предпосылок, ни теоретических ни практических не было, я не заметила как он пробудил во мне тщеславие. На тот момент мной двигало только тщеславие, но я не осознавала этого, я удачно проглотила крючок. Начав с ним работать над любовной историей, пусть даже историей любовного разочарования, в снисходительной уверенности, что я облагодетельствовала его своим участием, я предрешила свое падение. Оно стало только вопросом времени.

Мы целыми днями репетировали госпожу Бовари. Он сумел меня убедить, что я не только уникальная актриса на эту роль, но и уникальный режиссер, без которого его проекту конец. Я вошла в раж и на всю широту своей страстной природы старалась создать настоящее «произведение искусства». Мое тщеславие было распалено как никогда. Он был скромн и грустен как никогда. «Жалость» затопила мое уже самовлюбившееся сердце. И когда он назначил мне первое свидание в ночном кампусе, я ни секунды не сомневалась, что необъятная нежность, которой откликнулось мое сердце на это предложение, было всего лишь моей жалостью к «бедному» несчастному юноше. И тем не менее я надела свой лучший наряд, постаравшись выглядеть настолько хорошо насколько это было в моих силах. Я не стала спрашивать себя, зачем я это делала. Мне было слишком хорошо, чтобы задавать себе мучительные вопросы.

Первую встречу он тоже провел очень правильно. Никакой романтики. Тот же грустный, робкий юноша, покоренный моим талантом и светом моей личности. Только место выбрал самое красивое и самое романтическое из всего, что мне довелось видеть в этом американском эдемском саду. Взял мою руку, угадывая мою судьбу по линиям на ладони, и больше уже не отпускал. Мне очень не хотелось ее высвободить, но я заставила себя. И опять не стала себя спрашивать, почему мне не хочется ее высвободить. Во мне начался процесс бессознательной борьбы со всей моей сознательной системой ценностей, процесс, скрытый от моего сознания. Не сознавала, что этот робкий юноша поставил меня на край пропасти и методично, каждым грустным вздохом и влажным взглядом, готовит мое падение.

Я была как никогда убедительна в пьесе, и сама это чувствовала. Моя самовлюбленность достигла своего апогея. В тайне я уже надеялась, что он опять позовет меня на ночную природу, но я не признавалась в этом желании даже самой себе. А он словно бы и забыл об этом свидании, оставаясь как никогда вежлив, предупредителен, даже заискивающим в чем-то, но с обязательной дистанцией и какой-то школьной почтительностью.

Наконец, состоялась премьера. наших зрителей было немного, лето все еще было в разгаре, но ведь все представление давалось для меня. Успех совсем вскружил мне голову. И вот в ночь после спектакля, дав волю своему восхищению, он робко спросил меня таким тоном, словно не верил в подобную удачу: соглашусь ли я еще раз поболтать с ним на природе?

Я вложила всю душу в свое согласие. Бедный! Как же он смущен и покорен! Я просто обязана его приободрить.

– Я знаю, как смешно это звучит, – сказал он мне уже сидя со мной на траве, и держа мою руку дрожащими руками, – но я вас полюбил. Я не знаю романтика это или реализм... ведь есть... должна быть... какая то реальная любовь, разве нет? – он с таким отчаянием и страхом посмотрел мне в глаза, что моя распаленная самовлюбленность завопила ему: Да, да, да, есть! А мой интеллект оглушено сел, близкий к коматозному состоянию, и в недоумении захлопал глазами: есть или нет, черт возьми?

Я опустила глаза, и только в ответ сжала его руку. Нега, растекавшаяся по моему телу, говорила о полной победе подсознания над сознанием, и мой мозг сдался и позорно отступил. Но ведь необходимо было прикрыть свое позорное отступление, и я сказала:

– Мы можем быть нежны друг с другом, не думая ни о какой любви. Ведь мы искренни друг с другом, не так ли? Мы не Ромео и Джульетта, мы просто дарим друг другу немного нежности...

– Да, как точно вы... как точно ты... можно я буду говорить тебе ты, родная?

И прежде чем я успела ответить, жар его разгоряченного лица уже обжег мою пылающую в ответ щеку. Поцелуй заглушил во мне остатки разума, мои критическая и аналитическая способности ушли в долгий сон. На тот момент он одержал полную и блестящую победу. Мои интеллектуальные способности были успешно нейтрализованы.

– Почему не Ромео и Джульетта? Не знаю как ты, а я вполне чувствую себя Ромео, – засмеялся он, давая понять, что это только шутка. Мне оставалось только смеяться в ответ.

На следующий день я собирала вещи в комнате общежития, где прошли самые счастливые дни моей жизни – дни нашей дружбы с товарищами по духу. Андре настаивал, чтобы до конца лета я переехала к нему, а я не имела сил ему противиться. Он тоже жил на территории кампуса как все студенты, но он был старшекурсником, и у его общества было свое здание, которое они купили или арендовали у университета для членов своего сообщества. Это ведь только до конца лета, уговаривала я себя. Но чувствовала, что сама себе не верю. Когда вернуться друзья, я тоже вернусь в наше общежитие, они познакомятся с Андре, примут участие в его реформаторском театре, и мы заживем по-старому.

Но почему то слезы обильным потоком текли из моих глаз, и я ничего не могла с этим поделать. В конце концов, я села в кресло и зарыдала. Щемящее чувство, что я навсегда расстаюсь со своими друзьями, рвало мое сердце на части. Более того, какой-то внутренний голос твердил мне, что я их предала. Наконец я взяла себя в руки: «Какая ерунда! Это просто истерика. Слишком много переживаний. Первый мужчина в моей жизни. Расставание с друзьями. Конечно, я вернусь сюда в сентябре и все будет по старому». И я силой воли заставила себя взять сумку с вещами и бросилась бежать из общежития.

Глава 3. Ромео и Джульетта

«Любовь» буквально раздавила меня. Мне казалось, что я что-то открыла, как бывает с шизофрениками после дебюта шизофрении, когда они впервые видят стройную систему своего бреда. Эта «любовь», заполнившая все мое существо навязчивой идеей об Андре, о нашем с ним единстве звенела в каждой клеточке моего тела, разрушая и меняя прежнюю структуру моего «я». Я чувствовала что меняюсь, что становлюсь другим человеком, и не могла понять хорошо это или плохо. Мне не хотелось больше читать научную литературу, мои планы провести лето в библиотеке Корнелла казались мне теперь нестерпимым бредом. Но я нашла оправдания и для этого: я молода, мне надо отдыхать, и друзья мои настаивали на этом когда уезжали. Не все правда, но тем не менее. В минуты просветления я думала, они будут страшно смеяться над моей влюбленностью, но потом, оказавшись вновь под волнами своего чувственного наваждения, я начинала убеждать себя, что смогу убедить их, что влюбленность на самом деле есть, и мы просто не знали о ней. Что в романтизме был смысл, который мы просто не увидели.

Мое сердце попеременно разрывали грусть и восторг, пронзительное счастье и тотальная несчастливость. И мне казалось, что это начальная турбулентность, которая в конечном итоге стабилизируется на радости и счастье. Надо потерпеть и постараться пережить этот временный шок. Вот и все. А вдруг стабилизируется в несчастливость? – возникала упрямая мысль. Я не могла не чувствовать, что как не остро временами было чувство счастья, а темная палитра чувств брала вверх. Так отчего бы мне быть такой оптимисткой? Госпожа Бовари? Эта мысль совершенно уничтожила меня. И я дала себе слово бороться с миражами чувств, тормозить засыпающий под их наркотическим воздействием интеллект, пока разумом точно не смогу дать оценку тому, что со мной происходит. Хорошо это или плохо. Отдаться этому наваждению и ждать блаженства или бежать как от удава, который гипнотизирует кролика, прежде чем его проглотить. Этот образ окончательно убедил меня в том, что расслабляться рано. Просто надо добавить свои новые чувства к объектам анализа, вот и все.

Вся наша полемика с друзьями о романтизме и реализме вдруг ожила и встала передо мной с такой остротой и отчетливостью, которую порождает только чувство опасности. Тогда это были только досужие споры, абстрактная пища для интеллекта. Теперь это была информация, которая решала вопрос жизни и смерти. Кто бы мог подумать, что именно я окажусь такой романтической. Я нисколько не сомневалась, что то что я чувствовала и было «романтикой» Шекспира, Данте или Петрарки. На какой то момент во мне заговорила кровь исследователя: тем лучше, я могу изучить этот феномен на себе. Но уже в следующее мгновение я сомневалась, что мне хватит на это сил и эрудиции, что я просто не сломаюсь и не стану сюсюкать и молить о любви как все эти дамочки, над которыми мы смеялись. Меня прошиб холодный пот от этих видений.

Я вспомнила, как миссис Уэйн рассказывала мне про Пруста и нашла его книгу. Да, так и есть, он пишет о том же самом переживании, только в его понимании это наваждение придает смысл и жизни и делает ее «драгоценной». Я стала читать: в чем же эта драгоценность? Оказалось все счастье в «горе ревности», в том, что его герой Сван позволяет рядовой проститутке издеваться над ним, потом женится на ней, понимает, что она ничтожество, и что даже не нравилась ему. Спасибо, миссис Уэйн, я буду очень осторожна. Мне совсем не хочется сделать подобные открытия о «драгоценной» любви.

Физическая близость была новым опытом в моей жизни. Андре любил вспоминать в этой связи легенду Корнелла о девственницах.

– Надеюсь, ты не часто ходила в полночь по Площади искусств?

Сначала мне казались забавными эти шутки, но потом вдруг мне стал отвратителен его снисходительный юмор. Я чувствовала, что это тоже как то связано с его тщеславием и что он старается польстить и моему тщеславию.

Меня смущал опыт эмоциональный: я чувствовала себя рыцарем печального образа, положившего себя к ногам Дульсинеи. И потому я сопротивлялась этой влюбленности, все глубже и шире распространявшейся в моем сердце. Я держалась и не давала себе раскиснуть. Не давала увлечь себе тлетворным сантиментам, возрождавшимся из этого чувства с таким напором, что мне становилось все труднее убеждать себя в их нереальности.

Книги были безнадежно брошены. «Ленность интеллекта» – еще одно выражение, позаимствованное мной у Пруста. Вот именно. Мой интеллект пребывал в праздной лени, отказываясь думать и направляя все свои усилия на блаженные мечты о скором счастье с Андре. Мысль о нашей свадьбе становилась навязчивой идеей помимо моей воли, повергая меня в ужас своей примитивностью. Так вот почему девушки мечтают о замужестве, – пронеслось у меня тогда в голове. Полюса окружающего мира претерпели революционное изменение, сконцентрировавшись вокруг персоны Андре: хорошо было то, что имело отношение к нему, плохо то, что не имело. Мой разум, собирая остатки сил, вопил мне, что это чушь, но влюбленность, захватывая мое сердце подобно ураганному напору толпы мятежников, ставила под сомнение эти робкие протесты разума.

Спасибо Гие, научившему меня интересоваться искусством, он рассказывал мне о своих любимых книгах о художниках. Теперь я прочла их все, раз уж не могла заниматься наукой. Биографии Бетховена и Микеланджело Ромена Ролана, Гойю Фейхвангера, «Творчество» Золя. Гийа предупреждал меня, чтобы я не вздумала читать о Леонардо де Винчи у Фрейда, и я, конечно, нарушила запрет. Помню шок своего первого знакомства с пансексуальной теорией Фрейда.

Мы продолжали вместе работать в театре. Госпожу Бовари было решено пока снять, до начала учебного года.

– Нам нужна еще одна пьеса в новом учебном году. Мы тогда сняли Ромео и Джульетту из-за тебя. Прошу тебя, милая, ради меня. Пойди мне навстречу. Я ведь пошел тебе навстречу. Госпожа Бовари тебе, а Ромео и Джульетта мне. Так будет честно.

Мне нечего было возразить. Но главное, мое сердце больше не возражало. Я чувствовала себя его Джульеттой, и я была так счастлива, когда он называл себя моим Ромео. Именно этого никак нельзя было допускать, но тогда я этого не знала. Я позволила себя уговорить, ведь приличия были соблюдены. Он мне, я ему. Хотя понятно, что мне его пьеса Бовари никуда не была нужна, это был только нужный ему способ, чтобы соблазнить меня. Я никогда не планировала участвовать в театральной деятельности, и была бесконечно далека от нее. И тем не менее, Джульетту я сыграла так хорошо, что сама это почувствовала. Мне не нужны были их похвалы, я чувствовала, что жила в этой роли.

Премьера состоялась в сентябре, я очень переживала. Мои друзья не ходили на такие премьеры, но они могли увидеть отчет о пьесе в газетах Корнелла, услышать по радио, прочитать в фейсбуке наконец. Но больше всего я боялась, что они придут, и я встречу с ними глазами, когда буду на сцене. Я была уверена, что не смогу произнести ни слова. К счастью, они не пришли. Пьеса прошла на ура. Нам аплодировали стоя и несколько раз вызывали овациями на поклон. Андре был в восторге: он схватил меня в охапку после премьеры и увез с собой. Я вновь ощутила себя погребенной волной пронзительного счастья, за которой, я знала, придет волна боли и отчаяния, которая сделает меня такой же несчастной. Знала, и как не старалась, не могла наслаждаться объятиями с Ромео. Напряжение застыло во мне подобно раскаленным проводам, об которые разбивалась вся внешняя нежность. Я вспомнила слова Жорж Санд в Лелии: получить наслаждение ценой потери души. Потеряла ли я уже свою душу, спрашивала я себя?

– О чем задумалась? – спросил меня совершенно разомлевший после бурной ночи и сна Андре. – Ты как будто не счастлива быть Джульеттой? Ну признавайся... Тебе тоже понравилось.

И я вдруг отчетливо услышала слова Ромео и медленно стала декламировать:

– Ты как думаешь, Андре? Это нормальное состояние? Здоровое? Оно может дать счастье?

Андре вдруг разозлился и одним прыжком выпрыгнул из постели.

– Вечно ты со своими интеллектуальными штучками. Надоела твоя шиза. Тебе дали главную роль, тысячи студентов Корнелла тобой восхищались, многие бы отдали годы жизни, чтобы быть на твоём месте. Ты хоть понимаешь, что можешь сделать карьеру в Голливуде? Ты покорила публику. И вот наша принцесса опять недовольна! Любовь нездоровое чувство! Какая чушь... Всякая любовь прекрасна! И всякая ненависть отвратительна! Это же алфавит христианской культуры! Или твоя красная Россия стерла у тебя всякое представление о христианах и христианстве?

– И Лолита прекрасна? – спросила я с вызовом. Он знал, как мне был отвратителен этот культ набоковской порнографии, которую в Корнелле чтити также свято как все прочие традиции и достопримечательности университета. Обычно он всегда брал мою сторону, и соглашался что книга мерзкая, и что весь этот культ Набокова просто посмешище.

– Да, и Лолита тоже прекрасна! – заорал он мне в ответ с таким же вызовом. Я решила, что он просто зол на меня и не стала обращать внимание на его слова.

Мы в тот раз помирились, но эта фраза зубной болью застряла у меня в голове: «Всякая любовь прекрасна! Всякая ненависть отвратительна!» Я начинала глубоко сомневаться в той западной культуре, которой дома издалека так восторгалась. Знакомство с моими друзьями убедило меня в моей правоте, а знакомство с Андре показало мне гнилую сторону этой культуры и зародило семена сомнения в моей душе. Я много слышала об этом в спорах Гюнтера и Джеймса. А здесь я впервые услышала нечто эту навязчивую идею американских консерваторов о «красных» и «красной России», которая смешивала в одну кучу и марксизм-ленинизм большевиков, и все то лучшее и прекрасное, что было в философии и литературе, все то «левое», демократическое, чем мы так искренне восхищались с друзьями.

– А что же ты скажешь об Эйнштейне? Или Бертроне Расселе? – я столько слышала об этих именах пока жила в общежитии, я знала, что это лучшие люди на земле, и тот, кто их не любит не может быть хорошим человеком. – Они тоже красные идиоты?

– Эйнштейн физик, он ничего не смыслил в политике. А Расселы были великими людьми, но ведь в семье не без урода, – смеялся Андре.

– Уверяю тебя, такие Расселы не стоят одного мизинца математика, философа, писателя и великого демократа Бертрона Рассела.

– Ради бога, ему здесь даже работу не давали. Да, он был обыкновенным красным идиотом, если ты это хочешь от меня услышать.

– А что ты тогда скажешь о Кеннеди? Самый известный президент от демократов, насколько я знаю? Красный идиот? Или о книге Артура Шлезингера, его друга и коллеги «Циклы американской истории»? – я лихорадочно вспоминала имена, которыми сыпали Гюнтер и Джеймс в своих спорах

– Ну конечно, господа. Я ведь не говорю, что только русские бывают красными. Я американец, а не националист.

– Значит, демократия отцов основателей – это тоже красное свинство?

– Смотря каких отцов основателей. Консерваторы не были красными. Демократы другое дело. Но это Америка, здесь есть свобода слова, они вольны быть демократами, мы вольны быть консерваторами. И мы всегда будем воевать с ними и всегда побеждать их. – он удовлетворенно рассмеялся

– Получается, Оливер Стоун прав насчет убийства Кеннеди? Я смотрела его фильм «Выстрелы в Далласе» с Кевином Костнером. Вроде бы он тоже по чьей-то книге снимал. – Это все война консерваторов с демократами? Между прочим и Рассел писал в свое время, что дело шито белыми нитками.

– Война – это метафора. Здесь Америка. Мы сражаемся в сенате, в прессе, в бизнесе. Почитай для разнообразия «Совесть консерватора» Барри Голдуотера

– Я читала Джона Дина «Консерваторы без совести». Или, например, «Вся президентская рать». Вроде бы и фильм такой есть с Дастином Хоффманом. Уотергейт президента Никсона. Консерватор тоже. Будешь сравнивать с Кеннеди?

– Что ты знаешь о Кеннеди или о Никсоне? Ты споришь со мной, выросшем в этих кругах в Америке? Вспомни кто ты! – заорал он в ярости

– Кто же я?!

– Ты русская, или грузинка, для меня одно и то же. – спокойно сказал он. – Что ты можешь знать о нашей стране? О нашем круге? Ну или почитай Айн Рэнд, там у меня на книжных полках, – сказал он уже примирительно. – Это художественная литература. На мой взгляд лучшее, что написано в Америке. А ведь она тоже была российской эмигранткой.

Я полистала ее книги, мой ум пробудился на несколько часов, ведь все связанное с Андре было тогда жизненно важно для меня. И хотя в этих книгах не было ничего аморального, если вчитываться в содержание, я чувствовала, что Андре не из тех, кто вчитывается. Ему нравилось то что на поверхности, глубже он не шел. Вот хотя бы фраза «Добродетель эгоизма». И «все в жизни противоречие». Ну конечно, он ведь не интеллектual, зачем ему логика?

Я думала о своих друзьях, к которым я конечно не вернулась в сентябре и эти мысли убивали меня. Для меня становилось очевидно, что либо мы с Андре идем к ним и Андре становится частью нашего коллектива, либо я на самом деле предательница и отступница: от нашей философии, от научного мировоззрения, от демократии, от феминизма, от реализма и всего того колорита духовной жизни которой мы жили. На что я променяла этот глубокий благородный дух, который делал меня безоговорочно и по настоящему счастливой?

Я вынуждена была признаться себе, что променяла его ни на что. Счастье оказывалось иллюзией, новой мысли я не нашла, а о демократических взглядах Андре я попросту боялась спрашивать. Вздорные фантазии о замужестве я боялась озвучить самой себе, не только всерьез связывать с ними какие-либо перспективы. Тем более, что подсознательно я понимала, что для Андре именно свадьба не будет вопросом романтики, тогда как для меня появление грез замужества на горизонте моего сознания было всецело связано с пробуждением романтики.

Второй раз мы заговорили с ним о его «черепах» после просмотра нового фильма Оливера Стоуна «Джордж Буш». На тот момент Буш был еще действующим президентом США, у которого близился к концу его второй срок. Я узнала о фильме из Фейсбука и решила посмотреть. Оливер Стоун начинает биографию действующего президента с посвящения его студентом в «Черепашку» Йеля, а потом фильм говорит о нем в общем как о безнравственном и безвольном человеке, чье правление принесло много бед. Я чувствовала себя пойманной с поличным. Почему я до сих пор не спросила Андре о его причастности к тайным обществам, и в частности к Черепашкам? С другой стороны, какой удар по моей вере в демократическую культуру этой страны. Действующий президент член общества с идиотскими ритуалами, достойными какого-нибудь первобытного племени и с идеями прямо противоположными демократическим идеалам?

– Андре, я хочу тебя спросить.

– Да, я весь внимание.

– Андре, ты смотрел эти фильмы о «Черепашках»?

– Что? Что ты сказала?

– Я говорю, ты смотрел эти фильмы о «Черепашках»?

– С Джошуа Джексоном?

– Да-да, это первый фильм. Есть еще два. Так значит, ты смотрел.

– Ну конечно. Как все.

– Что ты думаешь о тайных организациях? Мне рассказывали, что сенатор Энрю Уайт, первый президент Корнелла тоже был одним из «Черепов». Собственно об этом написано в Википедии. Говорят, Черепа действуют и на территории Корнелла. Это правда?

– Не знаю. Но даже если так. Что в этом плохого? Ты считаешь сенатора Энрю Уайта плохим человеком? Кто там еще в твоей Википедии? Ты ведь знаешь что кино и жизнь разные вещи. Эти режиссеры показали Черепов до того коррумпированными, что итальянская мафия отдыхает.

– Я думаю, что Энрю Уайт был хорошим человеком. Еще есть действующий президент Джордж Буш. Сегодня смотрела фильм Оливера Стоуна о нем. В фильме он плохой человек, а своей разведки у меня нет. О других я ничего не знаю. – сказала я. – Но я все равно считаю, что это не просто глупая, по детски инфантильная организация. Но главное организация, перечеркивающая все демократические принципы Америки. Разве ты так не считаешь?

– Не смей меня, Аврора. Оливер Стоун красный идиот. Он смеется над маккартизмом, который спас Америку от красной заразы. Америка – страна правая. Мы, консерваторы, составляем историю и философию страны. Меньше слушай демократов, этих несчастных социалистов, которые в любой момент готовы сдать нас коммунистам. Любой, кто не красный идиот понимает, что любую страну делает ее элита. Мы просто элита, вот и все.

– Эйнштейн тоже резко осудил маккартизм. Почему ты говоришь «мы»? Ты тоже часть этих тайных обществ с греческими буквами?

– Ну конечно, черт возьми! Разве ты не знаешь что мой отец тоже сенатор? Как мне еще становится частью своего круга, как нам знакомится и как сообща работать дальше? Эти красные фильмы снимают идиоты, которые хотят разрушить Америку. Но ничего у них не получится. В конце концов, приведи мне хоть один пример из истории, где элита не возвышалась бы в той или иной степени над законами своей страны. Мы создаем законы!

– Поэтому ты пошел на юридический? Я все думала, как можно было выбрать такую пустую специальность, когда вокруг столько настоящей науки и искусства. Мои друзья говорят, что юридический факультет вообще не дает никаких реальных знаний, только возможность устроиться.

– Твои друзья? Эти рафинированные интеллектуалы, которые ищут все реальное. Ну конечно это они научили тебя всей этой ерунде. Жаль мы не встретились раньше, я защитил бы тебя от их тлетворного влияния.

– Как?! Разве ты не хочешь стать частью нашего коллектива? Ты ведь уверял меня, что только ради этого подружился со мной?!

– Конечно ради этого, я ведь тебе говорил. Но ведь Ганди тоже был адвокатом, а ты говорила, что твои друзья восхищаются им, – усмехнулся он.

Действительно Барух говорил, что Эйнштейн восхищался Ганди, а Барух знал все об Эйнштейне.

– Конечно. Но Ганди не пришло бы в голову сказать, что он создает законы. Даже подумать смешно. Ганди говорил, что единственные законы общества – это законы совести, и если правительство принимает законы, которые им противоречат, или идут против законов совести, то такое правительство перестает быть правительством. Это ведь основа его теории гражданского неповиновения. Несотрудничества. И адвокатом он был только в смысле службы народу. Он никогда не брался за дела нечестных людей. И редко брал деньги.

– В этом разница между нами, – сказал Андре – мы всегда берем деньги. Вспомни как представляла себе национальный флаг Айн Рэнд – доллар!

– Аврора, если хочешь увидеть настоящий фильм о черепахах, посмотри фильм Роберта де Ниро Ложное искушение с Ангелиной Джоли в роли дочери тех самых Расселов, которые были учредителями этого общества. Вот это Расселы, а не этот твой математик, философ... Там о том, как из «черепов» возникло ЦРУ, и красавица Рассела была призом победителю! – он вышел громко расхохотавшись.

Меня покоробили его слова и его смех. Какая пошлость. Если бы я не была влюблена в него, я бы конечно не дала опять себя уговорить, но я простила его и на этот раз. Да, он может быть членом этих глупых обществ, но ведь в конце концов и президент Америки там состоит. И Роберт де Ниро в теме. Он вырос в этом кругу, – говорила я себе, – он просто идет проторенной дорожкой. Но самое главное я простила саму себя. Я опять придумала себе отговорки: я не иду к моим друзьям потому что пока сама не знаю, что со мной происходит и что я могу им сказать. Как объяснить свое поведение. Самым страшным испытанием того времени было для меня иногда встречаться с ними в аудиториях или где то еще на территории кампуса. Я говорила дежурные фразы, обрывала диалог и стремительно бежала прочь, словно боялась гиены огненной. Действительно, что я могла им сказать. Им, людям, которых я любила всем сердцем, которыми глубоко восхищалась, и которых так глупо предала.

Однажды после занятий ко мне подошел Ричард. Его прекрасные волнистые локоны так трогательно обрамляли умное, осунувшееся лицо. Я поздоровалась и хотела бежать по обыкновению. Он решительно меня остановил.

– Как у тебя дела? Не уходи, пожалуйста. Мы все за тебя переживаем. Что с тобой случилось?

– Ричард, я сама не знаю. Я ушла только на лето. Он обещал мне что осенью, когда вы все соберетесь, я вернусь к вам, и он станет частью нашего коллектива. Но потом все затянулось. Я согласилась на роль Джульетты. Мне было стыдно смотреть вам в глаза. Каждый день я говорила себе, что завтра пойду к вам, и каждый день откладывала опять на завтра. Я хотела дать себе время разобраться в своих чувствах. Ричард, я ни на минуту, ни на долю секунды не переставала вас любить, даже если на какое то короткое время мои мысли бывали заняты всякими глупостями в этот период. Вы были и останетесь единственным настоящим в моей жизни, единственным, во что я верю и в чем нисколько не сомневаюсь. Единственным в чем есть смысл, красота и благородство. И если Андре не сможет стать частью вас, он никогда не станет частью меня. Простите меня, если сможете.

– Аврора, причем здесь мы? В опасности ты, мы все за тебя переживаем. Тебе надо уходить отсюда. Мы же тебя предупреждали, что ничего хорошего не выйдет.

– Я очень скоро вернусь в общежитие Ричард. Дайте мне еще немного времени. Мне очень неловко перед вами.

– Мы тоже тебя всегда любили, и любим, и ты всегда можешь на нас положиться. Пожалуйста, будь осторожна. Вот эту книгу передала тебе мама. Она очень тревожится за тебя.

– Передай миссис Уэйн, что я очень ей благодарна за ее лекции. И особенно за лекции о Прусте. Они мне очень помогли.

Я порывисто обняла Уэйна, обхватив его шею ледяными руками, взяла у него из рук книгу, и бросилась бежать по своему обыкновению. Я потом долго не могла открыть книгу, которую мне прислала миссис Уэйн, но заглавие прочитала сразу: Роберт Грин «Искусство соблазна». И конечно сразу поняла, что эта добрая женщина, такая же рафинированная интеллектуалка, как и ее сын, очень переживала за меня и хотела предупредить меня об опасности.

Когда я все таки набрала его имя в Гугле, обнаружилось, что это очень популярный в Америке автор бестселлеров «Искусство соблазна» и «48 законов власти». А потом я открыла книгу и прочитала это:

«Еще один мощный инструмент, помогающий направлять людей по неверному следу, – ложная искренность. Люди легко принимают искренность за честность. Не забывайте, их пер-

вое побуждение – доверять видимости, а поскольку все хотят верить в честность окружающих, они вряд ли усомнятся в вас и уж тем более вряд ли увидят вас насквозь. Если вы дадите понять, что верите в то, что говорите, это придает словам огромный вес. Именно так Яго обманул и погубил Отелло: мог ли Отелло, видя глубину чувств Яго, видя искренность его обеспокоенности предполагаемой неверностью Дездемоны, не поверить ему?

Если вы полагаете, что обманщики – это яркая, колоритная публика, люди, которые сыплют на каждом шагу фокусами, изощренными и красочными выдумками, вы заблуждаетесь. Самые лучшие из них обладают располагающим к доверию обликом и не привлекают внимания. Им известно, что экстравагантные слова и поступки немедленно возбуждают подозрения. Вместо этого они придают своим замыслам вид чего-то привычного, банального и безвредного.

Как только вы усыпите внимание своих жертв, выдав им то, чего они ожидали, они потеряют способность замечать обман прямо у себя за спиной. Чем серее и ординарнее дым вашей завесы, тем легче скрыть свои намерения.

Наиболее простая форма дымовой завесы – выражение лица. Спрятавшись за располагающую, не очень выразительную внешность, можно планировать любое злодейство, никто вас ни в чем не заподозрит. Этим оружием пользовались многие могущественные исторические деятели. Рассказывают, что у Франклина Делано Рузвельта было совершенно непроницаемое лицо. Барон Джеймс Ротшильд всю жизнь пользовался этим приемом, пряча истинные мысли за широкими радушными улыбками или неопределенными взглядами.

Для обольстителя жизнь видится театром, все люди для него актеры. Большинству кажется, что их роль в жизни ограничена узкими рамками и сознание невозможности изменить что-либо делает человека несчастным. Обольстители напротив многолики, они могут становиться кем – угодно и играть любые роли. ...Эти главы расскажут вам о том, как очаровывать, как сломить сопротивление, как придать обольщению живость и силу и склонить жертву к капитуляции.

Углубившись в страницы этой книги позвольте повествованию захватить вас, уступите ему, откинув предвзятость и предубежденность. Постепенно вы почувствуете, как сладкая отравка медленно просачивается сквозь вашу кожу.

Хуже всего в этом то, что вы все решаете за свою жертву, не давая ей возможности проявить инициативу. Отступите на шаг, пусть ей покажется, что те мысли появление которых вы спровоцировали, зародились в ее собственной голове. ...Нет в обольщении ничего более эффектного и эффективного, чем позволить жертве считать ее, жертву, обольстителем

Вызвать влюбленность, а затем покорить – это модель общая для всех видов обольщения: сексуального, социального, политического. Влюбленный просто вынужден капитулировать.

Бесполезно восставать против этой силы, внушать себе что вы не испытываете к этому никакого интереса, что это безнравственно или некрасиво. Чем сильнее пытаетесь вы противиться соблазну обольщения – как идее, как форме власти – тем больше он вас захватывает

Правильно выбранные жертвы – это те люди, которым в вас видится что-то экзотичное, необычное. Часто они одиноки, несчастны или по крайней мере чем-то подавлены (например, пережитой неудачей). Если же это не так, то их можно и нужно привести в такое состояние – ведь полностью удовлетворенного жизнью, счастливого человека обольстить почти невозможно.

Подобные приемы, не только вызывают желание добиваться вас, они бьют по основным человеческим слабостям: тщеславию и самолюбию. ...Разыгрывая карту тщеславия и самолюбия, вы можете вертеть людьми как хотите. Если вас интересует женщина говорил Стендаль начните проявлять внимание к ее сестре. Это немедленно вызовет интерес к вам

Игра на контрастах широко применяется в политике, ведь политические деятели и другие публичные фигуры также должны обольщать

Полностью удовлетворенного человека обольстить невозможно. Следует поселить в душах ваших объектов напряженность и дисгармонию....Ощущение неполноценности, созданное вами, позволит втереться в доверие; в вас должны увидеть ответы на все жизненные вопросы и панацею от всех бед

В человеческом обществе каждый носит маску: мы притворяемся более уверенными в себе, чем на самом деле. Нам не хочется, чтобы окружающие оказались настолько проницательными, что разглядели бы это сомневающееся эго внутри нас. В действительности наше эго, наша индивидуальность куда более хрупка чем кажется, она прикрывает пустоту и чувство смятения. Выступая в роли обольстителя, ни в коем случае не принимайте внешнюю оболочку человека за реальность

Ваша задача как обольстителя – ранить свою жертву, прицелившись в уязвимое место, нащупать брешь в ее самолюбии и нанести удар. Если она усердно тянет ляжку, заставьте ее мучиться от этого, усугубляйте страдания, как бы нечаянно дотрагиваясь до больного места, как бы непреднамеренно касаясь этой темы в разговоре. Вы получаете язву, комплекс (можете немного усилить его), беспокойство, ну а облегчение несчастному принесет только участие другого человека, то есть ваше... Желание, пробуждаемое в соблазненном человеке, отнюдь не нежное прикосновение и не неприятное переживание: это открытая рана. Стрела Купидона приносит боль, терзание и потребность в облегчении. Желание должно предваряться болью. Направьте стрелу в самое уязвимое место жертвы и нанесите рану, которую вы сможете исцелять и вновь растравливать» Искусство соблазна Роберт Грин

Я сидела словно громом пораженная. Мой мозг отказывался шевелиться, защищаясь от боли мнимой комой. Усилием воли я заставила себя встать. Мысли лихорадочным потоком хлынули в голову. Теперь становилась ясной такая простая задача, которую он себе ставил, и которую я была не способна отгадать самостоятельно просто в силу пропасти, которая разделяла наши сознания. Я не могла представить себе, что нормальные люди, тем более элита цивилизованного общества могут ставить себе подобные цели и изъясняться на подобном циничном жаргоне. Так вот оно что. Он целенаправленно разлучил меня с друзьями, чтобы их влияние не смогло меня защитить. Он сделал меня несчастной. Я вдруг всем своим существом осознала, как глубоко я несчастна без них. Я вспомнила, как он тысячей разных намеков вел меня к мысли о браке как счастливом окончании этого приключения и действительно сумел внушить мне мысль, что я сама стала думать о браке. И как он в то же время дал мне понять, как много социальных препятствий к этой возможной вершине моего счастья, и что он искренне желает преодолеть все эти препятствия. Желает, но не может. Как он постепенно внушал мне мысль бросить физику и сосредоточить свои усилия на карьере актрисы. «Вспомни своего Данелия, – говорил он мне, ласково улыбаясь, – он ведь тоже был архитектором, а стал мировой звездой!» Вот почему эта тема вызывала во мне такое отвращение. Вот почему эти волны отчаяния и счастья постоянно сменяли друг друга. Вот-вот должно начаться и «горе ревности», судя по тому как развиваются события, – вдруг осенило меня.

Я не могла уйти сразу, слишком болезненным было мое открытие. Мне нужно было остаться, чтобы убедиться в правоте моих слов, чтобы успокоиться, убедившись в его низости, чтобы наконец, уяснить для себя, что все это не сон. Мне понадобилось еще два месяца, чтобы разобраться в своих чувствах, чтобы понять, что никакого союза между Андре и его друзьями с одной стороны, и мной и моими друзьями с другой стороны не может быть. Что наши компании также несовместимы как несовместимо добро и зло. Что у Андре нет никакой философии кроме философии банального эгоизма, что он действительно туп и невежественен и только старается казаться джентльменом.

Как то разбирая свои вещи, я нашла там майку Гии, с изображением Холдена Калфилда, которого стошнило у кинотеатра с яркой афишей. Эта картина поразила меня как откровение.

Я уткнулась в нее лицом и проплакала все утро. «Что я делаю? Почему я все еще здесь?» – сверлило в мозгу.

Андре застал меня вечером в этой майке и не сразу понял что это.

– Никогда на тебе не видел. Что это? Дай прочту... Сэлинджер. Ты видела своих друзей?

– Ты возражаешь?

– Нет, ни в коем случае. Я просто так спросил.

– Я решила уйти из твоего театра.

– Что? Ты в своем уме? Твои две пьесы идут с большим успехом. Ты могла бы стать настоящей актрисой. Звездой Голливуда. Зачем тебе эта физика? Хочешь всю жизнь прозябать инженером на зарплату?

– Хорошо, я подумаю над этим. Тогда помоги мне поставить пьесу о Сэлинджере. «Над пропастью во ржи». Я ведь сделала для тебя Джульетту.

– А кто будет в роли Холдена? Я что ли? – он принялся хохотать.

– Нет, я попрошу моих друзей. Думаю, в этой пьесе они будут рады принять участие.

И ты наконец с ними подружишься. Ведь ты об этом мечтал. Лучшего шанса не придумать.

– Я буду счастлив подружиться с твоими друзьями. Это правда. Но не ценой всего во что я верю. Ты хочешь посмеяться надо мной, над моими братьями из тайного общества со сцены нашего собственного театра? Редкий цинизм, никак не ожидал от тебя. Вот, купи себе нормальную одежду.

– Ты же знаешь, я не беру у тебя денег.

– Знаю, и ходишь как оборванка. – он встал и ушел.

Мне не пришлось долго ждать «горя ревности», о котором Пруст пишет как о хранителе огня влюбленных. Газеты и радио Корнелла шумно напоминали об очередной традиции ВУЗа, которыми здесь все очень гордились: реконструкцией рыцарских турниров. Слушая репортажи и читая заметки в газетах, я вспоминала, как мы смеялись над ними в прошлом году с друзьями, и у меня щемило сердце от тоски.

– Ты слышала о начале рыцарских турниров?

Меня прошиб пот от мысли, что он заставит меня и там поучаствовать.

– Да, конечно, все газеты трубят. Уволь меня, пожалуйста, ты же знаешь, как я далека от этой глупой романтики.

– Знаю, и поэтому уже позаботился, чтобы тебе не пришлось меня там сопровождать. Помнишь Николь, которую нам пришлось отстранить от главной роли, чтобы дать ее тебе? Я попросил ее быть дамой моего сердца на турнире. Чтоб она не обижалась, и чтобы тебе не пришлось там присутствовать.

Вот тогда слова Пруста, до этого мгновения почти не имевшие для меня никакого содержания, вдруг загорелись ярким пламенем в моем уже глубоко раненом этой влюбленностью сердце. «Горе ревности», повторяла я про себя в день турнира и смеялась над собой, над своей любовью и над своим «горем». Но виду не подавала.

– Да, конечно. Ты все правильно решил. А почему нельзя было просто не пойти?

– Невозможно. Наша театральная группа принимает традиционно большое участие в организации этих турниров.

Тень Николь с тех пор прочно поселилась вместе с нами. Меня спасла от глупостей только вовремя доставленная мне книга Роберта Грина, и я мысленно благословляла миссис Уэйн. Я думала только о том, что если Грин использовал это «горе ревности» для соблазнения других, бедняга-мазохист Пруст считал его собственным счастьем, которое подстегивало его влюбленность. Какие открытия для будущего исследователя психолога.

– Мы решили поставить пьесу по фильму Роберта де Ниро. Надеюсь, ты не будешь возражать против фильма Роберта де Ниро? Да, он о «черепках», но дело не в этом. ЦРУ заслуженно

составляет гордость нашей страны. Пьеса впрочем будет очень короткой. Только посвящение, женитьба на дочери Расселов и Карибский кризис Кеннеди. Что ты думаешь о главной роли?

– Я согласна, – сказала я, не отрывая глаз от книги. Я начинала понимать его игру, и это вновь сделало меня сильной.

– Согласна?

– Ну конечно? Когда репетируем?

– Я уже отдал роль Николь... Я был уверен что ты откажешь.

– Подожди... как там по сюжету... дочь Расселов. Ты все правильно сделал, Николь ведь тоже дочь Греев, а всего лишь жалкая эмигрантка.

– Разве я когда-нибудь упрекал тебя...

– Нет, не упрекал. Но всегда напоминал. – я засмеялась, давая понять, что это шутка. –

Не бери в голову, ты все правильно сделал.

Я встала и ушла, чтобы мое равнодушие не стало очевидным для него раньше времени. Я начинала выигрывать, и мне хотелось довести свою игру до конца. Не дать ему достичь его цели: разбить мне сердце.

Я заснула на диване, а когда проснулась, в моем мозгу звучали строки, и фраза за фразой стали выпадать из него, как листы из принтера:

Итак, мое сердце вынесло приговор. Это болезнь и она опасна. Теперь и разум и подсознание были согласны в оценке ситуации. Я давно не писала в газету и решила отправить свою поэму туда. Ее приняли и напечатали.

Андре был взбешен. Я живу с ним, и люди подумают черт знает что. Почему липкие руки? Еще подумают, что он нечистоплотен. Эта ремарка рассмешила меня больше всего. Я хохотала ему в лицо, давая выход своей злости. Почему гиблая? Он что меня губит? Он ведь делает мне карьеру голливудской звезды! Почему мое сердце искалечено? Разве он не доказывает мне свою любовь всеми возможными способами? Разве не я звезда его театра, не со мной он живет?

– Я не хочу больше с тобой жить, Андре. – сказала я серьезно. – Я ухожу.

– Тогда тебе придется уйти и из нашего театра.

– Само собой. В первую очередь я ухожу из твоего театра.

– Ты не можешь бросить два спектакля на произвол судьбы. Мы тебя приняли, мы сделали из тебя звезду...

– Не начинай опять рассказывать про мое голливудское будущее. Это право же очень смешно. И я не просила тебя делать из меня звезду корнеллского университета. Я чуть было не провалила экзамены. Все это чуть было не сломало мне жизнь. Перестань вменять мне в долг катастрофу, которую ты сам же и подготовил!

– Хорошо, ты не хотела. Я тебе просил. Но согласись, что я тебя не заставлял. Я тебя любил. И все еще люблю. Ты это знаешь. И ты сама пошла навстречу разве не так?

– Так. Ты меня не заставлял. Я сама приняла решение. Но теперь у меня другое решение. Я ухожу. Скажи Николь что все роли свободны для нее.

– Ах вот в чем дело! Николь! Я ведь не мог взять тебя, ты же смеешься над рыцарскими турнирами! Ты ненавидишь черепов!

– Не начинай пожалуйста, сначала по кругу. Ты прекрасно знаешь, что наши разногласия гораздо глубже. У нас вообще нет ничего общего.

– Хорошо. Дай мне месяц, чтобы... Николь смогла войти в твои спектакли. Так будет честно.

– Две недели.

– Три недели. Мы не успеем.

– Хорошо.

Его реакция на безобидные стихи меня глубоко поразила. Мне казалось, они выдают мою слабость, не его. И ведь стихи без посвящения, какое надо иметь тщеславие, чтобы так реагировать на заурядную заметку в газете.

Спустя неделю Андре бросил последнюю бомбу на мое итак уже разбитое вдребезги разочарованием сердце.

– Ты же знаешь, как важны для нас традиции Корнелла. Да, я знаю о твоём отвращении к Набокову и Лолите. Но мы начали готовиться к межвузовскому театральному конкурсу. Корнелл на таких соревнованиях традиционно представляет Лолиту. Набоков наша гордость. Мировая знаменитость, которая 10 лет читала здесь лекции. И Лолита была написана в стенах Корнелла. Помоги еще один последний раз, и расстанемся друзьями.

С тех пор как он крикнул мне в ответ «Да, и Лолита прекрасна!» я боялась даже заговаривать на эту тему. Слишком страшно было обнаружить, что ему и впрямь нравится эта детская порнография. И глубоко в подсознании я была уверена, что все так и есть. И вот, пожалуйста. Хорошо, что он сказал мне об этом после того, как мы уже договорились разъехаться, иначе удар был бы слишком сильным. Я не могла любить человека, которому нравилось подобное. Меня даже не удивило его нахальство. Его глупости вполне хватало, чтобы предположить подобное даже на минуту.

– Значит, ты и вправду считаешь это произведение прекрасным? – я сказала отсутствующим тоном, так словно бы давно смирилась с этим.

– Честно говоря, да, – улыбнулся он своей самой обворожительной улыбкой. – Мне кажется это очень трогательная история любви.

Майка Гии во всех деталях возникла перед моими глазами. «Трогательной, my ass» – мелькнули слова Холдена Калфилда.

– В какой пьесе ты меня попросишь сыграть в следующий раз? В «Жюстине» Сада?

– Перестань говорить пустяки. Набоков часть культуры Корнеллского университета, ты сама знаешь это прекрасно.

– Помнишь, я просила тебе поставить пьесу по Сэлинджеру? Там есть такая сцена, когда ему навязывают малолетнюю проститутку, он соглашается, потому что находится в шоковом состоянии и едва понимает что делает. Она приходит и раздевается, и он просит ее рассказать немного о себе. Он слушает и говорит себе, что секс – это последняя мысль, которая пришла ему в голову после знакомства с ней.

«Она вошла, сразу сняла пальто и швырнула его на кровать. На ней было зеленое платье. Потом она села как-то бочком в кресло у письменного стола и стала качать ногой вверх и вниз. Положила ногу на ногу и качает одной ногой то вверх, то вниз. Нервничает, даже не похоже на проститутку. Наверно, оттого, что она была совсем девчонка, ей-богу. Чуть ли не моложе меня. Я сел в большое кресло рядом с ней и предложил ей сигарету.

– Не курю, – говорит. Голос у нее был тонкий-претонкий. И говорит еле слышно. Даже не сказала спасибо, когда я предложил сигарету. Видно, ее этому не учили.

– Разрешите представиться, – говорю. – Меня зовут Джим Стил.

– Часы у вас есть? – говорит. Плевать ей было, как меня зовут. – Слушайте, – говорит, – а сколько вам лет?

– Мне? Двадцать два.

– Будет врать-то!

Странно, что она так сказала. Как настоящая школьница. Можно было подумать, что проститутка скажет: «Да как же, черта лысого!» или «Брось заливать!», а не по-детски: «Будет врать-то!»

– А вам сколько? – спрашиваю.

– Сколько надо! – говорит. Даже острит, подумайте! – Часы у вас есть? – спрашивает, потом вдруг встает и снимает платье через голову.

Мне стало ужасно не по себе, когда она сняла платье. Так неожиданно, честное слово. Знаю, если при тебе вдруг снимают платье через голову, так ты должен что-то испытывать, какое-то возбуждение или вроде того, но я ничего не испытывал. Наоборот – секс последнее, о чем я подумал.

– Часы у вас есть?

– Нет, нет, – говорю. Ох, как мне было неловко! – Как вас зовут? – спрашиваю. На ней была только одна розовая рубашонка. Ужасно неловко. Честное слово, неловко.

– Санни, – говорит. – Ну, давай-ка.

– А разве вам не хочется сначала поговорить? – спросил я. Ребячество, конечно, но мне было ужасно неловко. – Разве вы так спешите?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

– О чем тут разговаривать? – спрашивает.

– Не знаю. Просто так. Я думал – может быть, вам хочется поболтать.

Она опять села в кресло у стола. Но ей это не понравилось. Она опять стала качать ногой – очень нервная девчонка!

– Может быть, хотите сигарету? – спрашиваю. Забыл, что она не курит.

– Я не курю. Слушайте, если у вас есть о чем говорить – говорите. Мне некогда.

Но я совершенно не знал, о чем с ней говорить. Хотел было спросить, как она стала проституткой, но побоялся. Все равно она бы мне не сказала.

– Вы сами не из Нью-Йорка! – говорю. Больше я ничего не мог придумать.

– Нет, из Голливуда, – говорит. Потом встала и подошла к кровати, где лежало ее платье. – Плечики у вас есть? А то как бы платье не измялось. Оно только что из чистки.

– Конечно, есть! – говорю.

Я ужасно обрадовался, что нашлось какое-то дело. Взял ее платье, повесил его в шкаф на плечики. Странное дело, но мне стало как-то грустно, когда я его вешал. Я себе представил, как она заходит в магазин и покупает платье и никто не подозревает, что она проститутка. Приказчик, наверно, подумал, что она просто обыкновенная девчонка, и все. Ужасно мне стало грустно, сам не знаю почему.

Потом я опять сел, старался завести разговор. Но разве с такой собеседницей поговоришь?

– Вы каждый вечер работаете? – спрашиваю и сразу понял, что вопрос ужасный.

– Ага, – говорит. Она уже ходила по комнате. Взяла меню со стола, прочла его.

– А днем вы что делаете?

Она пожалала плечами. А плечи худые-худые.

– Сплю. Хожу в кино. – Она положила меню и посмотрела на меня. – Слушай, чего ж это мы? У меня времени нет...

– Знаете что? – говорю. – Я себя неважно чувствую. День был трудный. Честное благородное слово. Я вам заплачу и все такое, но вы на меня не обидитесь, если ничего не будет? Не обидитесь?

Плохо было то, что мне ни черта не хотелось. По правде говоря, на меня тоска напала, а не какое-нибудь возбуждение. Она нагоняла на меня жуткую тоску. А тут еще ее зеленое платье висит в шкафу. Да и вообще, как можно этим заниматься с человеком, который полдня сидит в каком-нибудь идиотском кино? Не мог я, и все, честное слово» Селинджер Над пропастью во ржи

Понимаешь разницу между нами и нашими кумирами? Понимаешь разницу в том, что мы видим трогательным? В том, что мы называем любовью? Пожалуйста, уходи и больше никогда не говори со мной на эту тему. На этот раз я тебя прощаю, но в следующий раз не стану больше ждать трех недель.

Мне стоило невероятных усилий сдержать свой гнев. Мне хотелось встать и надавать ему пощечин.

– Еще один красный идиот. Такой же как твои друзья, которые его обожают. Ты пойми Набоков – это мировой бренд. Это написанные серьезными композиторами оперы и балеты. Это культура ночных клубов по всему миру. Это две экранизации с мировыми звездами. Да, да твой любимый Хоффман должен был играть Гумберта. Неужели ты лучше Хоффмана? Это самые вершины Голливуда. Это продажи по всему миру. Какая к черту разница, о чем эта чертова книга? Неужели так трудно понять очевидные вещи? Это и есть настоящий реализм, а не ваши бредни о поисках истинной любви. Всякая любовь прекрасна! Ты ведь признаешь только научное мышление? Неужели ты незнакома с современной наукой? С Дарвином? С Фрейдом? Неужели ты не знаешь, что животные инстинкты движут человеком?

– Остановись, Андре. Твоей следующей фразой будет «всякая ненависть прекрасна!» Именно это следует из теории Дарвина, с которой я в общем неплохо знакома. Ты немного себе противоречишь, не находишь? Ты бы определился любовь прекрасна, а или ненависть в конце то концов?

– Издеваешься?

– Нет, пытаюсь понять. Интересно еще как ты увяжешь животную природу человека с романтикой?

– Что там не понятного? Романтика необходима как искусство, которое скрывает от нас суровую правду жизни. Да человек похотливое животное, но Шекспир, Данте и Петрарка превращают любовь в искусство, скрывая от нас всю примитивность реальности. Что в этом плохого?

– Интересная концепция. Противоречие во всем. Они ведь были глубоко верующими и страшно бы обиделись, если бы услышали такую циничную трактовку их искусства. Ты ведь тоже был христианином, а теперь вдруг стал дарвинистом и фрейдистом, и еще... набоковцем.

– Это диалектика. Элементарные вещи. Единство и борьба противоположностей.

Я вспомнила, с каким отвращением Гюнтер говорил о Гегеле как о бездарном болтуне, который «придумал отмазку для всех дураков, у которых проблемы с логикой». Мне стало смешно.

– Послушай, я больше не буду с тобой церемониться. Мне надоел этот цирк. Вот прочти статью, которую настрочил один из твоих друзей, сынок той припадошной английской лекторши, у которой ты нахваталась этого бреда о реализме. «Культ Набокова и русская литература». Это ответ нам на запущенную рекламную компанию о неделе Набокова в университете. Мне надо, чтобы ты ответила этим красным идиотам так, чтобы мне понравилось. Ты ведь уже приблизительно разбираешься в моих вкусах?

– А что будет, если я откажусь?

– Тогда мы перейдем от теории к практике. Если я не могу убедить тебя в теории, у меня очень много возможностей убедить тебя на практике. – он разразился глубоким хохотом, довольный своей остротой. – Игры кончились. Вспомни кто ты, и кто я.

– Кто же? – я хотела разозлиться, но вместо этого почувствовала, как холодные щупальца страха сжимают мне горло. Теперь маски сброшены, он прямо говорит мне о том, о чем до сих пор говорил лишь намеками. – Черепа с большими пистолетами?

– Да, именно так. – усмехнулся он в ответ. Я понимала что он хочет использовать фильм чтобы запугать, но не чувствовала себя способной провести четкую границу между вымыслом в фильме и тем, что эти люди представляли собой в реальной жизни. Особенно в отношении таких немощных эмигрантов каким была я. – И с друзьями твоими с удовольствием поболтаем. – продолжал он веселиться. – Наконец станем одной большой семьей.

– Вот ты одновременно стал..набоковцем... и садистом. – засмеялась я беззвучно. – У тебя есть лекции Набокова?

– Да, на полке. Сразу после Айн Рэнд.

Он бросил мне газету со статьей Ричарда и пошел к выходу.

– Будь умницей. Противостояние левых и правых, – услышала я его хохот уже на лестнице.

Я взяла газету и прочла статью.

«Культ Набокова и русская литература»

Что мне увиделось в бурном обсуждении недели Набокова в Корнеллском университете?

Прежде всего хаос в знаниях и в сознании, так что смешаны в нашем сознании даже принципиально несовместимые вещи.

Возьмем для примера его роман «Дар», который преподносят как одно из лучших его произведений, где есть какое-то «содержание». Мне показалась эта книга кощунственной. Не потому что он выставил Чернышевского шутом. А потому что выставил шутством гуманизм и рационализм. Он ищет во всем поведении Чернышевского сексуальный подтекст прямо как Фрейд у Леонардо де Винчи. И подобно тому как Фрейд трактует сон Леонардо, где птица тычет ему в рот хвостом как символ фаллоса, так Набоков доходит до анализа сцены, где Чернышевский оказался застигнут девицей, когда справлял «большую нужду».

Там где у Герцена кровавые слезы при мысли о позорном столбе, к которому царское правительство поставило Чернышевского, Набоков опять видит шуту, претендующего на роль распятого Христа. А «толстый Герцен сидючи в Лондоне» поддерживает это цирковое представление. Но главное его роман «Что делать?» – это не крик духовно развитого человека, мыслителя, которой хочет помочь человечеству. Это всего лишь попытка оправдать какие то там нелепые дневники, убедить что он их не писал. А его диссертация об эстетике в искусстве вообще не могла быть принята, считает Набоков.

Что я хочу сказать?

Тем, кому нравится «С того берега» Герцена, им никогда не понравится «Другие берега» Набокова.

У Набокова ностальгия по берегам утраченного рая, у Герцена «удушье» лишеного разума и доброты мира. Тот кто любит Чернышевского никогда не будет любить Набокова., выставившего его циничным шутом. Он выступает не против «материализма» Чернышевского, потому что его фрейдовское мировоззрение пансексуальности гораздо более «материальное». Но против его рационализма – и это видно даже в его стиле, настолько озабоченном «художественностью», что из под его кружев и блёсток с трудом просачивается какая-то мысль. Так что тот кто любит рационализм тоже не будет любить Набокова.

А пока их любят всех вместе, или бессознательно уже приняли одну из сторон.

Только не говорите что Герцен, Огарев, Толстой, Чернышевский, Кропоткин были коммунистами, а коммунисты поступили с Россией хуже царского режима. Никакого отношения к марксизму-ленинизму они не имели, они были анархистами. Герцен называл коммунизм «царизмом наоборот», где помещики и рабочие поменялись местами. Скорее, это противостояние «правых» и «левых» вечное как сама жизнь. Да отец Набокова был кадетом, зато его дед был министром юстиции при двух Александрах, втором и третьем. А мать дочерью золотопромышленника. Кропоткин был князем, Толстой графом, род Герцена по отцу был связан с Романовыми, но это не помешало им стать «левыми» и положить жизни в борьбе на стороне народа.

Прекрасный, добрый, умный, гениальный Ричард. Крупные слезы катились из моих глаз. Он понял чего хочет Андре Филлипс и написал статью, чтобы предупредить меня. Никакого компромисса невозможно. Или мы или они. Ноя сама уже все хорошо поняла. Неужели слишком поздно? Неужели все пропало? Насколько реальны его угрозы? Я чувствовала, что он очень зол, и что он не привык мириться со своим поражением. Слезы душили меня, когда я думала, что подвела своих друзей и их жизни могут быть в опасности из-за меня. Но я ни

минуты не сомневалась, что не стану делать того, чего требует Андре. Это даже не обсуждалось. Я взяла книгу с лекциями Набокова и прочла ее за ночь. Мне доставило большое удовольствие подтверждение моего мнения о Прусте: Набоков настолько же хвалил его, насколько мы с миссис Уэйн смеялись над Прустом. Да, я напишу статью. Такую, что Андре понравится. Я назвала ее «Набоков и дендизм» и позаботилась, чтобы статья не была слишком одиозной.

Утром пришел Андре и начал подлизываться, неправильно истолковав мое внезапное спокойствие. Я нервничала, пока не могла понять, друг мне этот человек или враг, и насколько он испорчен. Теперь все стало более чем очевидно.

– Извини, дорогая, если я был груб с тобой. Ты ведь напишешь для меня эту статью, не правда ли? Мне не хотелось говорить тебе все эти грубые вещи, но ты иногда такая упрямая. А я так тебя люблю. Я просто схожу с ума, когда думаю, что ты меня бросишь, бросишь наш театр. Ты ведь не бросишь нас, милая? Ты ведь не бросишь меня? Я все сделаю для тебя, для твоей карьеры.

– Ты на мне женишься? – спокойно перебила я его, удивляясь хладнокровности своего вопроса. Все время пока я была в него влюблена, я не смела даже заговорить на эту тему, которая помимо моей воли становилась моей навязчивой идеей, повергая меня в ужас примитивностью мечтаний «влюбленных»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.